

45037

НЕДОРАЗУМѢНІЯ

ПО ВОПРОСУ ОБЪ

АРТЕЛЯХЪ.

ОТВѢТЪ НА РЕЦЕНЗІЮ Г-на САЗОНОВА.

А. А. ИСАЕВА.

45037

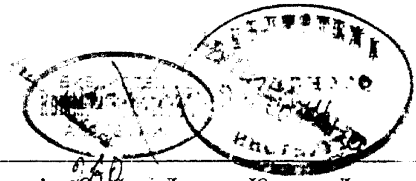
ЯРОСЛАВЛЬ
Печатня Губернскаго Правленія.
1883.

3 экз

Ю

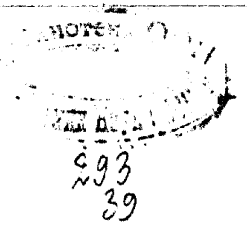
ПРОВ.

Пров 34



Печатано по опредѣленію Совѣта Демид. Юрид. Лицея 30 октября 1882 года.

Директоръ М. Капустинъ.



93
39

Изданіе А. А. Исаева.

Отвѣтъ этотъ былъ готовъ къ печати еще полгода тому назадъ. Столь позднiй выходъ его въ свѣтъ объясняется любезными нравами многихъ органовъ нашей повременной печати.

Прочитавъ въ мартовской книжкѣ журнала «Русская Мысль» рецензiю г. Сазонова на мою книгу «Артели въ Россiи», я захотѣлъ наказать рецензента и обратился къ редактору Русской Мысли съ запросомъ, напечатаетъ-ли онъ въ своемъ журналѣ мой «Отвѣтъ г. Сазонову».

Въ письмѣ ко мнѣ отъ 20 марта сего года г. Юрьевъ говоритъ. «Я долго не печаталъ статьи Сазонова и если напечаталъ ее, то по причинамъ очень уважительнымъ, о которыхъ передамъ Вамъ лично при свиданiи. Я вычеркнулъ въ ней многое, что мнѣ показалось *излишне рѣзкимъ*. Я печаталъ ее, конечно, съ полною увѣренностью, что *получу отъ Васъ отвѣтъ на нее, который, разумѣется, напечатаю непремѣнно и съ большимъ удовольствiемъ;* но не ранѣе, какъ въ iюньской книжкѣ. Очень обяжете, если пришлете Вашъ отвѣтъ на статью Сазонова не позже 1 мая».

Статья была послана въ редакцiю Рус. М. 28 апрѣля.

При личномъ свиданiи со мной въ началѣ мая г. Юрьевъ сдѣлалъ первое отступленiе. Въ iюньской книжкѣ, говорилъ онъ, Вашу статью помѣстить нельзя, она слишкомъ обширна; iюньскую книжку мало читаютъ, и потому, въ Вашихъ интересахъ,—напечатанiе въ iюлѣ или августѣ.... Я уступилъ.

Лѣтомъ, желая знать о времени напечатанiя моей статьи, я обратился къ редакцiи и получилъ въ отвѣтъ, что «она постарается помѣстить возможно скорѣе, но, во всякомъ случаѣ, сдѣлать это ранѣе октября или ноября мѣсяца редакцiя положительно не можетъ».

Въ началѣ осени, при личномъ свиданiи съ г.

Юрьевымъ, я замѣтилъ ему, что редакціи изданій, притязающихъ на уваженіе, должны быть болѣе точны. Онъ разсыпался въ извиненіяхъ, призывалъ всѣхъ Святыхъ во свидѣтели, что не онъ—виновникъ такого промедленія, что онъ жилъ лѣтомъ на дачѣ, что лица, завѣдывавшія въ его отсутствіе редакціей, «не догадались» напечатать мою статью и т. д. и т. д. При этомъ онъ увѣрялъ, какъ «честный человѣкъ», клялся и божился, что редакція загладитъ свою вину и напечатаетъ статью мою въ октябрѣ или не далѣе ноября нынѣшняго года.

Привыкнувъ исполнять свои обѣщанія, я вѣрилъ г. Юрьеву; я не хотѣлъ и думать, чтобы редакторъ журнала, именующаго себя «либеральнымъ», могъ такъ дешево цѣнить свое слово.

Наконецъ, на дняхъ я сдѣлалъ редакціи запросъ, будетъ-ли моя статья напечатана въ ноябрьскомъ нумерѣ; въ противномъ случаѣ, я требовалъ ея возвращенія. Присылка статьи послужила отвѣтомъ.

Таково отношеніе ко мнѣ редакціи Русской Мысли. Крича о «справедливости», сама она нарушаетъ ее и, не имѣя мужества прямо сказать мнѣ о нежеланіи напечатать мою статью, прибѣгаетъ къ системѣ проволочекъ. Разсчетъ редакціи понятенъ; въ иномъ случаѣ онъ былъ-бы, пожалуй, вѣренъ: протянуть время, умалить интересъ къ прочтенію моего отвѣта и,—не напечатавъ въ своемъ журналѣ въ надеждѣ, что я пожалѣю нѣсколько десятковъ рублей для изданія «Отвѣта» отдѣльной брошюрой—тѣмъ спасти г. Сазонова отъ литературной розги.

Предоставляю читателямъ судить, насколько такой образъ дѣйствій достоенъ органа печати.

А. А. Исаевъ.

Ярославль,
24 октября 1882 г.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ... *Крыловъ.*

По большей части, наши критики извращаютъ понятія своихъ противниковъ, вырываютъ и сопоставляютъ отдѣльныя ихъ фразы,.... и затѣмъ, съ полнымъ самодовольствомъ торжествуютъ побѣду.... Разница между ними только въ степеняхъ беззастѣнчивости при употребленіи этого негоднаго оружія. *А. Й. Кошелевъ*, Земство, 1882, 12, 1.

Прошелъ почти годъ съ тѣхъ поръ, какъ я обмѣнялся съ г. Сазоновымъ мнѣніями на страницахъ *Русской Мысли.* Поводомъ къ обмѣну мнѣній послужило возникшее между нами разногласіе въ воззрѣніяхъ на нѣкоторыя стороны жизни артелей. Выходъ въ свѣтъ моей книги «Артели въ Россіи» разсердилъ г. Сазонова, и онъ разразился обширной рецензіей, въ которой, на ряду съ нѣсколькими вѣрными замѣчаніями, похищенными у другихъ, проявилъ полное незнакомство съ пріемами научной работы, полное отсутствіе экономическихъ знаній, необходимыхъ для серьезнаго умственнаго труда, узкій фанатизмъ, препятствующій отысканію истины и, сверхъ того, похвальный полемическій пошибъ, столь вѣрно охарактеризованный въ вышеприведенныхъ словахъ нашего маститаго публициста. Не желая быть голословнымъ, я сгруппирую всѣ сдѣланныя мнѣ г. Сазоновымъ возраженія и отвѣчу на нихъ въ нисходящемъ порядкѣ: начну съ самыхъ тяжкихъ взведенныхъ на меня обвиненій и буду послѣдовательно переходить къ тѣмъ, которыя, по мнѣнію и г. Сазонова, и, вѣ-

роятно, всѣхъ, прочитавшихъ его рецензію, должны быть отнесены къ менѣе тяжкимъ [1]).

I. Я, утверждаетъ г. Сазоновъ, далеко не исчерпалъ всѣхъ матеріаловъ объ артеляхъ. Одними матеріалами, какъ, напр., записками ученыхъ путешественниковъ прошлаго вѣка, нѣкоторыми новѣйшими изслѣдованіями этнографическаго характера я не пользовался вовсе; другіе матеріалы, бывшіе у меня подъ рукой, не были мною утилизированы надлежащимъ образомъ; третьи, хотя я ими и пользовался сполна, по своему характеру имѣютъ слишкомъ мало значенія для научныхъ выводовъ Взводя на меня это важное обвиненіе, г. Сазоновъ объясняетъ мои прегрѣшенія различно. Въ одномъ случаѣ причиной была просто моя лѣнь или, какъ выражается рецензентъ, нежеланіе затратить столько времени. какъ было бы нужно для изученія нѣкоторыхъ матеріаловъ. «Дѣло объясняется очень просто:.... чтобы прочитать десятки фоліантовъ Палласа, Лепехина, Георги, Гмелина, Фалька, Рычкова, Озерецковскаго, Пошмана, Берга и пр., нужно быть можетъ шесть мѣсяцевъ, которые авторъ затратить не пожелалъ. А потому.... онъ говоритъ съ чужихъ словъ, не оговариваясь при этомъ» (стр 24). Значительная часть этого періода относится къ тому мѣсту моего предисловія, въ которомъ я утверждаю, что въ запискахъ путешественниковъ прошлаго вѣка встрѣчаются только бѣглыя замѣтки объ артеляхъ Перечисляя на стр 27 обойденныя мною изданія, г. Сазоновъ указываетъ «изъ книгъ .. только такія, гдѣ авторъ нашелъ бы не одинъ, а нѣсколько фактовъ» Въ другихъ случаяхъ моя вина, по мнѣнію г. Сазонова, такъ велика, что для нея нельзя найдти даже названіе. «Но обойдти такія капитальныя вещи, какъ «матеріалы для изученія кустарной промышленности» и особенно «Докладъ сельскохозяйственной коммиссіи».... я затрудняюсь какъ это назвать...» (стр. 27). Для доказатель-

---

1) Всѣ выписки съ указаніемъ только страницъ сдѣланы изъ статьи г. Сазонова «По поводу докторской диссертаціи объ артеляхъ». *Русская Мысль*, 1882, мартъ, 17—46.

ства, насколько недостаточно было въ моемъ распоряженіи матеріаловъ, г. Сазоновъ дѣлаетъ счетъ ссылокъ, изъ которыхъ выясняется, что, за исключеніемъ не многихъ книгъ, свѣдѣнія были почерпнуты, главнымъ образомъ, изъ газетныхъ статей. Къ ужасу рецензента оказывается, что я сдѣлалъ 5—6 ссылокъ на 2—3 корреспонденціи въ Русскихъ Вѣдомостяхъ и 10—на статью о бурлакахъ г. Вернадскаго, тогда какъ на «Изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи» сдѣлано не болѣе 8 ссылокъ Г. Сазоновъ приходитъ въ благородное негодованіе особенно оттого, что я цѣлыхъ 16 разъ ссылаюсь на уставъ «чухонской» ассоціаціи столяровъ въ Петербургѣ. Неужели она, спрашиваетъ рецензентъ, «заслуживаетъ вдвое большаго вниманія, чѣмъ ученый трудъ академика Бера и Данилевскаго?»—Обвиненія тяжкія! Но попробуемъ оправдаться.

Г. Сазоновъ утверждаетъ, что я говорю съ чужихъ словъ объ ученыхъ путешествіяхъ академиковъ прошлаго вѣка. Конечно, утверждать можно все; г Сазоновъ можетъ утверждать даже, что тѣ немногія страницы въ моей книгѣ, которыя къ великому счастью для меня, онъ находитъ «довольно хорошими», писаны не мною, а какимъ—нибудь благопріятелемъ, который, въ виду безпомощности автора «Артелей въ Россіи» и всѣмъ извѣстной строгости г. Сазонова, удѣлилъ нѣсколько дней для написанія страницъ, понравившихся моему рецензенту. Утверждать можно все, но это утвержденіе г. Сазонова, какъ и многія послѣдующія, совершенно лишено доказательствъ.

Правъ г. Сазоновъ только въ томъ, что я не пожелалъ затратить на фоліанты академиковъ шесть мѣсяцевъ: быть можетъ, столь долгій срокъ—тѣмъ болѣе, что записки нѣкоторыхъ академиковъ составлены на нѣмецкомъ языкѣ, а чтеніе со словаремъ идетъ медленно—необходимъ для г. Сазонова. Для меня же, да и для всякаго, привыкшаго читать и дорожащаго временемъ, тщательный просмотръ нѣсколькихъ десятковъ фоліантовъ, оставленныхъ академиками, и извлеченіе всѣхъ мелкихъ замѣтокъ объ артеляхъ потребуетъ ни какъ не болѣе, а, вѣроятно, менѣе двухъ недѣль. А двѣ недѣли лишней работы, даже и при краткости

человѣческой жизни, можно пожертвовать на докторскую диссертацію.

Но не отрицая, что г. Сазоновъ затратилъ на эту работу 6 мѣсяцевъ, я выражу только сожалѣніе, что онъ напрасно потерялъ столько времени, которое могло бы быть съ пользою употреблено на необходимое для него общее экономическое образованіе. Я сожалѣю объ этомъ потому, что записки путешественниковъ даютъ только бѣглыя замѣтки объ артеляхъ и гораздо менѣе другихъ матеріаловъ уясняютъ намъ смыслъ этой формы общенія. Возьмемъ для примѣра записки нѣкоторыхъ путешественниковъ.

Гмелинъ въ своей 4—томной Reise durch Sibirien 1751 г., подробно описывая посѣщенные имъ грады и веси европейской и азіатской Россіи, встрѣченныя имъ племена, занятія жителей, фауну и флору, дѣлаетъ замѣчанія и объ артеляхъ. Такъ на стр. 190 I т Онъ говоритъ, что въ Сибири охотятся обществами изъ 4—6 человѣкъ и дѣлятъ между собой доходъ; на стран. 40 и 277 II т. онъ говоритъ объ охотникахъ на соболей, вскользь замѣчая о равенствѣ артельщиковъ и подчиненіи ихъ одному главѣ. И этими данными ограничивается все, что мы можемъ извлечь изъ записокъ, явившихся результатомъ многолѣтняго путешествія. *Паллассъ* (Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs 3 Theile, 1801, 1773 и 76) дѣлаетъ на 49 стр. I т. намекъ на образованіе у остяковъ артелей для охоты. Обратимся къ академику *Георги*. Въ своемъ 2—томномъ трудѣ (Georgi. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich, 1775) Георги съ большой подробностью описываетъ бытъ тунгузовъ, бурятъ, вогулъ, черемисъ и другихъ инородцевъ, рисуетъ ихъ семейную жизнь, долго останавливается на ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Техническая сторона разныхъ промысловъ также привлекаетъ къ себѣ вниманіе ученаго путешественника, а объ артеляхъ мы находимъ только такое замѣчаніе: «для охоты на тюленей образуются маленькія общества изъ 4—7 человѣкъ и избираютъ старосту (передовщика)» (I. 157). Тотъ же Георги въ своемъ 8—томномъ трудѣ (Georgi. Beschreibung des Russischen Reichs. 1798), говоря о про-

мыслахъ населенія Архангельской губерніи, замѣчаетъ: «по берегамъ, особенно въ населеніи Мезени и Архангельска, богатые предприниматели собираютъ общества охотниковъ изъ 10—20 человѣкъ,.... за опредѣленную плату, харчи и долю дохода» (II, 20) Или, напр., при описаніи промысловъ Тобольской губерніи, артелямъ посвящена слѣдующая замѣтка: «русскіе охотники промышляютъ въ обществахъ отъ 6—10 человѣкъ» (IV, 1026). Обратимся къ 2—томному труду *Крашенинникова* (Описаніе земли Камчатки, 1786) и тамъ во 2 ч на стр 238 и слѣдующихъ мы найдемъ замѣчанія объ артеляхъ для охоты на соболей; артель выбираетъ передовщика, который за проступки подвергаетъ членовъ строгимъ наказаніямъ. Тутъ же Крашенинниковъ съ большой подробностью описываетъ технику охоты на соболей. Академикъ *Озерецковскій* (Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, 1792), изображая на стр. 28 и слѣдующихъ рыболовство въ Ладожскомъ озерѣ, рисуетъ только технику рыболовнаго промысла, даже и не намекая на артели, хотя несомнѣнно, изслѣдователь, задавшійся цѣлью изучить артели, найдетъ ихъ тамъ во множествѣ. Указывая—стр. 141—на способы постройки галіотъ, Озерецковскій не задается вопросомъ, въ какихъ отношеніяхъ стоятъ между собой рабочіе, нанимаемые «въ топорную работу». Есть полное основаніе предполагать, что здѣсь идетъ рѣчь объ артели плотниковъ. *Сарычевъ* (Путешествіе флота капитана Сарычева. 1802), путешествовавшій въ 80 и 90-хъ гг. прошлаго вѣка по сѣверовосточной Сибири, Ледовитому морю, старательно описываетъ многія стороны быта инородцевъ, ихъ внѣшность, одежду, технику разныхъ промысловъ, но ничего не говоритъ объ артеляхъ. *Лепехинъ* (Дневныя записки, 3 ч. 1771, 2, 80) не говоритъ ничего объ артеляхъ. У *Рычкова* (Журналъ или дневныя записки путешествія. 1770) нѣтъ никакихъ указаній на артели. Пріобщимъ сюда также *Веніаминова* (Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла. 1840) и мы найдемъ у него на стр. 119 I ч. объ артеляхъ только то замѣчаніе, что изъ экипажа русскаго судна, прибывшаго на Уналашку, образовались 3 артели для промысла звѣрей и запасенія пищи.

Скучно и безполезно дѣлать выписки мало не значащихъ замѣтокъ объ артеляхъ, замѣтокъ, тамъ и сямъ разсѣянныхъ въ запискахъ путешественниковъ. Предоставляемъ эту работу г. Сазонову и всѣмъ тѣмъ, которые полагаютъ, что именно въ собраніи никому не нужныхъ выписокъ и состоитъ серьезный научный трудъ. Приведенныя выписки убѣждаютъ внимательнаго читателя моей книги «Артели въ Россіи», что въ ней есть все, мимоходомъ отмѣченное академиками, и это *все* развито болѣе подробно, благодаря пользованію позднѣйшими, болѣе важными для ознакомленія съ артелью матеріалами.

Но этого мало. Утверждая, что въ запискахъ ученыхъ путешественниковъ прошлаго вѣка нѣтъ сколько-нибудь пригодныхъ матеріаловъ для познанія артелей, я докажу, что *такихъ матеріаловъ въ нихъ и быть не могло*; это объясняется многими причинами и отнюдь не бросаетъ тѣни ни на умъ, ни на познанія нашихъ академиковъ 18 столѣтія. «Академики, знаменитые европейскіе ученые, снабженные такой широкой програмой, а главные—огромными средствами и полномочіями, потратившіе на изученіе Россіи цѣлые годы!... Подумаешь, сколько въ сочиненіяхъ ихъ должно быть интереснаго, сколько *точныхъ* изслѣдованій о промыслахъ, ремеслахъ, земледѣліи, *нравахъ, обычаяхъ!*... Да вѣдь это—кладъ!... Съ увлеченіемъ накидываешься на.... Палласа.... Съ надеждой берешь Гмелина» .... восклицаетъ разочарованный г. Сазоновъ [2]), мнившій обрѣсти въ запискахъ академиковъ всю премудрость объ артеляхъ. Онъ не обрѣлъ ея и разочаровался. Я же, еще не бравъ въ руки трудовъ академиковъ, былъ увѣренъ, что ничего полезнаго объ артеляхъ въ нихъ не найду, и не ошибся. Что г Сазоновъ, надѣялся,—это вполнѣ естественно, ибо онъ не имѣетъ понятія объ исторіи развитія общественныхъ наукъ, а въ частности объ исторіи развитія политической экономіи. Нижеслѣдующія строки, содержа въ себѣ азбучныя для каждаго мало-мальски образованнаго человѣка истины, помогутъ г. Сазонову

2) *Русская Мысль*, 1881, апрѣль, 327.

на будущее время въ оцѣнкѣ матеріаловъ и тѣмъ окажутъ ему услугу.

Мысль человѣка, обращаясь къ изученію явленій общественныхъ, всего ранѣе останавливается на тѣхъ сторонахъ быта, которыя непосредственно дѣйствуютъ на чувство, которыя замѣтны глазу, невооруженному пріемами глубокаго научнаго изслѣдованія. Война, внутреннія волненія, бурная борьба партій, крупные династическіе перевороты, голодъ, повальная болѣзнь привлекаютъ къ себѣ вниманіе современниковъ не только потому, что они самымъ фактомъ своего появленія производятъ сильное впечатлѣніе, причиняютъ радости или страданія многимъ членамъ общежитія, но и потому, что послѣдствія ихъ наступаютъ быстро и твердо запечатлѣваются въ памяти. Отсюда—бытописаніе въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ имѣетъ характеръ исключительно исторіи политической и даже династической; важнѣйшія стороны быта народа, опредѣляющія весь обликъ каждаго общественнаго тѣла, отмѣчаются отрывочно и мимоходомъ, такъ какъ эти стороны не заявляютъ о себѣ рѣзкими вліяніями. Что подмѣчается въ развитіи исторической науки въ обширномъ смыслѣ слова, то же имѣло мѣсто и въ одной изъ важнѣйшихъ вѣтвей обществознанія—наукѣ экономической. Почему въ 16 и 17 столѣтіи во всѣхъ европейскихъ странахъ появилось на свѣтъ подавляющее множество трактатовъ о торговлѣ и деньгахъ, деньгахъ и торговлѣ? Потому, что обогащеніе или обѣдненіе выражается наиболѣе выпукло въ приливѣ или отливѣ денегъ, потому, что въ торговыхъ оборотахъ приливъ и отливъ сказываются наиболѣе рѣшительно. Умъ, не привыкшій къ анализу экономическихъ явленій, останавливался на формѣ, болѣе замѣтной, и къ ней, какъ къ причинѣ, возводилъ матеріальное процвѣтаніе народовъ и упадокъ ихъ хозяйства.

Начало новаго движенія въ обществознаніи относится еще къ прошлому столѣтію; но быстрые шаги въ этомъ направленіи принадлежатъ всецѣло 19 вѣку. Исторія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова разширяетъ свой кругозоръ въ лицѣ Монтескье, Нибура, Шлоссера, Моммзена, Гервинуса, Бокля и другихъ. Рядомъ съ ними совершается неустанный

прогрессъ въ отдѣльныхъ областяхъ обществовѣдѣнія. Изъ политической экономіи исчезла односторонность меркантилизма; возникли великія научныя системы физіократовъ, А. Смита-Рикардо съ ихъ послѣдователями, но и эти системы мало принимали въ разсчетъ многочисленныя особенности быта отдѣльныхъ народовъ, мало обращали вниманія на бытъ неимущихъ классовъ [3]), высотой уровня котораго и обусловливается хозяйственное процвѣтаніе или матеріальная слабость государства. Юридическая наука 19 вѣка обратилась къ изученію правовыхъ учрежденій, дававшихъ каждому народу опредѣленный складъ въ извѣстные періоды его исторіи. Съ другой стороны та же юридическая наука въ послѣднее и только въ послѣднее время тщательно изучаетъ нигдѣ не записанные, но могущественные въ массѣ народа обычаи. Статистика служитъ вѣрнымъ союзникомъ всѣмъ отраслямъ обществознанія. Характерно было для своего времени опредѣленіе Ахенвалемъ статистики, какъ науки о государственныхъ достопримѣчательностяхъ; не менѣе характерно для направленія научной мысли нашего времени опредѣленіе статистики, какъ метода для изслѣдованія массы явленій; особенно важно то, что, изслѣдуя ихъ, статистика стремится возможно глубоко проникнуть явленія, совершающіяся въ массахъ народа. Наука экономическая, получивъ толчокъ отъ соціализма и вооружившись индуктивнымъ методомъ, поставила себѣ цѣлью изученіе хозяйства народовъ, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ. И въ послѣднія десятилѣтія это изученіе не ограничивается описаніемъ наиболѣе замѣтныхъ хозяйственныхъ фактовъ: оно идетъ въ глубь общественнаго быта; познаются тѣ формы, въ которыхъ движется экономическая жизнь наиболѣе обездоленныхъ массъ. Когда, какъ не въ послѣднее время, познакомились мы съ важнѣйшими вѣковыми учрежденіями народнаго быта? Развѣ не въ послѣднее тридцатилѣтіе появились

---

3) Любопытно, напр., то, что изъ Опыта о богатствѣ народовъ Ад. Смита проглядываетъ гораздо болѣе близкое знакомство его съ торговымъ классомъ, чѣмъ съ работниками.

классическіе труды Маурера, Гансена, которые пролили новый и яркій свѣтъ на значеніе общиннаго строя въ экономіи и правѣ? Развѣ въ концѣ 50-хъ гг., когда въ нашей литературѣ велись оживленные споры объ общинѣ, кто-нибудь изъ нашихъ лучшихъ юристовъ и экономистовъ былъ знакомъ съ существомъ общиннаго быта? Когда, какъ не за послѣднія 30—40 лѣтъ, появилось безчисленное множество трудовъ, посвященныхъ хозяйственной, правовой, нравственной, религіозной жизни «людей подлыхъ»? Наконецъ, развѣ изслѣдованіе всѣхъ сторонъ быта населенія на мѣстахъ, вооруженное тончайшими пріемами статистики, получило право гражданства не на глазахъ и не при участіи того поколѣнія, которое имѣетъ право считать себя молодымъ? Отдѣльныя отрасли обществознанія работаютъ другъ другу въ руку, накопляютъ огромный матеріалъ, а нашимъ потомкамъ предстоитъ создать изъ него одно цѣлое, одну величественную науку объ обществѣ, которая установитъ законы развитія человѣчества на всѣхъ сторонахъ его общественнаго быта.

Государственная власть, не поспѣвая, въ постановкѣ задачъ своихъ, за требованіями научной мысли, не освобождается, однако, отъ вліянія послѣдней и—быстро или медленно—идетъ по ея указаніямъ. Я не буду ссылаться на безчисленные примѣры прошедшаго—думаю, что г. Сазоновъ самъ припомнитъ ихъ,—а укажу лишь немногое изъ недавняго прошлаго и настоящаго. Почему среди многихъ и многихъ льготъ, которыя въ послѣднія два столѣтія оказывались и еще оказываются у насъ всевозможнымъ крупнымъ производителямъ, только изрѣдка встрѣчаются нормы, направленныя на огражденіе массъ? Потому, что экономическая теорія прошедшихъ вѣковъ ставила соотвѣтственныя требованія государственной власти. Почему законодательство съ рѣдкимъ стараніемъ регулируетъ семейное и наслѣдственное право имущихъ классовъ, оставляя многочисленныя массы руководствоваться обычаемъ? Потому ли, что оно хочетъ предоставить послѣднимъ большую долю свободы? Нѣтъ, просто потому, что эти массы не заслуживаютъ въ такой мѣрѣ вниманія законодателя; о нихъ не стоитъ гово-

рить, нужно только выдрессировать верхушки общежитія. И здѣсь государственная власть имѣетъ опору въ теоріи На нашихъ глазахъ кладется начало цѣлому ряду мѣропріятій, направленныхъ на улучшеніе быта нашего крестьянина. Мы не беремся предсказывать здѣсь, что изъ этого выйдетъ, но признаемъ такое направленіе политики плодомъ усилій, которыя дѣлала наука и публицистика въ послѣднія десятилѣтія.

Нашъ выводъ изъ всего сказаннаго будетъ такой: чѣмъ болѣе развиваются науки объ обществѣ, тѣмъ болѣе онѣ демократизуются; захватывая въ область своего изслѣдованія все болѣе и болѣе явленій общественной жизни, онѣ съ особеннымъ стараніемъ останавливаются на тѣхъ формахъ быта. которыя скромно и незамѣтно слагаются у самыхъ корней народной жизни —Вслѣдъ за научной мыслью все болѣе и болѣе демократизуется въ своей политикѣ и государственная власть.

«Должно быть, забылъ объ академикахъ», упрекнетъ меня г. Сазоновъ; но такой упрекъ будетъ не основателенъ: я помню о нихъ и скажу, что *между ними и артелью не могло быть ничего общаго.*

Наши ученые путешественники 18 вѣка, при своихъ обширныхъ познаніяхъ, были дѣтьми своего времени. Научная мысль въ области обществознанія направляла человѣка прошлаго столѣтія на изученіе «государственныхъ достопримѣчательностей», того, что, выражаясь словами Ахенваля, «озаряетъ блескъ короны новымъ свѣтомъ или омрачаетъ его». Въ эту же сторону направляла она вниманіе и путешествовавшихъ академиковъ. Обиліе и разнообразіе растеній, животныхъ, соболи и бобры съ ихъ драгоцѣнными мѣхами, тучныя нивы и пажити, города съ цвѣтущей торговлей и промышленностью—все это входитъ въ кругъ государственныхъ достопримѣчательностей, и все это вносили академики въ свои дневники. Странствуя долгіе годы между племенами, рѣзко отличными отъ населенія Европы, академики иногда наблюдали и всегда замѣчали тѣ стороны быта этихъ племенъ, которыя легко бросаются въ глаза свѣжему человѣку: они замѣчали крѣпость или хилость тѣла,

красоту и уродливость, національную одежду; религіозныя вѣрованія, сказывающіяся у мало развитаго человѣка ежечасными обрядами и безчисленными суевѣріями, также не проходили не замѣченными. Наконецъ, академики нерѣдко подробно описываютъ технику отдѣльныхъ промысловъ, которая, обусловливая степень производительности труда, можетъ вліять на увеличеніе государственныхъ доходовъ. А артели являются такой формой общенія, которая не бросается въ глаза человѣку: эти союзы, и особенно тамъ, гдѣ ихъ встрѣчали академики, возникаютъ на короткое время, безъ всякихъ формальностей, способныхъ привлечь къ себѣ вниманіе наблюдателя. По внѣшности, онѣ, при производствѣ промысла, не отличаются отъ другихъ видовъ общенія. Можно замѣтить ихъ; но, чтобы изобразить полную картину ихъ жизни, нужно сознавать важность изученія исконныхъ формъ народнаго быта, а этого сознанія не имѣлъ 18-й вѣкъ. Поэтому, ученые путешественники ограничиваются только бѣглыми замѣтками объ артеляхъ. Выше было показано, что эти замѣтки не даютъ намъ полезныхъ матеріаловъ Обратимся къ другимъ мѣстамъ записокъ академиковъ, и мы еще болѣе убѣдимся, въ какой мѣрѣ вопросы, привлекающіе теперь напряженное вниманіе изслѣдователей, были чужды просвѣщеннымъ людямъ прошлаго столѣтія. Укажемъ только на два факта. *Озерецковскій* на 244 стр. выше названнаго труда описываетъ купоросные заводы и въ цифрахъ опредѣляетъ рабочую плату. Голая цифра доходовъ работника, безъ сопоставленія съ другими данными, не говоритъ ровно ничего. *Зуевъ* (Путешественныя записки.... 1787), проѣхавшій отъ Петербурга до Херсона, оставилъ намъ интересный разсказъ о видѣнномъ имъ на пути. На стр. 63—94 онъ подробно описываетъ тульскій оружейный заводъ, отмѣчаетъ частности техники промысла, вычисляетъ производительность труда и даже приводитъ таблицы платы, получаемой рабочими различныхъ разрядовъ. Но и эти таблицы, безъ другихъ данныхъ, не говорятъ ничего, такъ какъ денежная плата, безъ сопоставленія съ цѣнами важнѣйшихъ предметовъ потребленія, не уясняетъ положенія работника. Если бы г. Сазоновъ или кто-нибудь

изъ его пріятелей, разочаровавшихся въ академикахъ, предпринялъ путешествіе даже не съ научной цѣлью, а для развлеченія, то и тогда, посѣщая какую-нибудь фабрику, онъ не удовольствовался бы полученіемъ свѣдѣній о денежной платѣ рабочихъ, а постарался бы собрать и многія другія данныя: онъ отмѣтилъ бы въ своей записной книжкѣ о состояніи рабочихъ и жилыхъ помѣщеній, о цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ, о пеняхъ, налагаемыхъ предпринимателемъ, о распространенности тѣхъ или другихъ болѣзней и т. п. И всѣ эти свѣдѣнія г. Сазоновъ собралъ бы отнюдь не потому, чтобы онъ, по силѣ ума или суммѣ знаній, превосходилъ академиковъ Озерецковскаго и Зуева, но потому, что и въ наукѣ, и въ текущей печати, на многотысячныхъ митингахъ западной Европы и въ земскихъ собраніяхъ Царевококшайска или Белебея рабочій вопросъ въ его различныхъ образахъ служитъ предметомъ неустаннаго обсужденія. Духовная атмосфера, окружающая насъ, требуетъ многосторонняго изученія быта народа, и мы подчиняемся ея велѣніямъ.—Прибавлю, наконецъ, что ученые путешественники прошлаго вѣка были естествовѣды въ широкомъ смыслѣ этого слова, астрономы, ботаники, зоологи, медики; экономистовъ между ними не было, а это также ставило на задній планъ изученіе хозяйственныхъ явленій.

Да и само правительство, снаряжая экспедиціи, только мимоходомъ требовало собранія свѣдѣній по этнографіи. Въ обширномъ «наставленіи изъ Адмиралтействъ-Коллегіи капитанъ-лейтенанту Биллингсу» съ особеннымъ удареніемъ говорится о собраніи свѣдѣній по географіи, флорѣ и фаунѣ и только вскользь предписывается собрать данныя по этнографіи. Наконецъ, академики должны были изслѣдовать вся и все, а отсюда—неизбѣжное послѣдствіе, что явленія малозамѣтныя, и среди нихъ *артели*, остались не изслѣдованными.

И такъ, я имѣлъ основаніе не пользоваться тѣми замѣтками, которыя содержатъ путевыя записки академиковъ. Но этимъ еще не ограничивается моя вина: я часто дѣлаю ссылки на «газетныя статейки» и опускаю тѣ «фоліанты»

которые, по мнѣнію г. Сазонова, могли бы дать мнѣ обильный матеріалъ. Какъ отстранить это обвиненіе?

Во первыхъ. то презрительное отношеніе къ текущей печати, которое сказывается въ словахъ г. Сазонова, совершенно не основательно (съ его стороны это тѣмъ менѣе понятно, что онъ самъ написалъ объ артеляхъ нѣсколько статеекъ въ газетѣ «Земство»; намѣреваясь выяснить въ нихъ «истинныя» причины паденія новѣйшихъ артелей, онъ придаетъ, повидимому, этимъ статейкамъ большое значеніе). Чѣмъ болѣе поднимается уровень развитія народа, тѣмъ больше значенія и для научныхъ выводовъ получаютъ свѣдѣнія, сообщаемыя газетами изо дня въ день Если общія положенія, высказываемыя публицистами на столбцахъ газетъ, обыкновенно только популяризируютъ то, что уже извѣстно въ наукѣ, то факты, сообщаемые повременной печатью, не рѣдко могутъ служить важнымъ матеріаломъ для выводовъ науки. Подчиняясь движенію въ области науки, печать съ особенной подробностью останавливается на тѣхъ явленіяхъ, внимательнаго изученія которыхъ требуетъ наука. Нерѣдко печать дѣлаетъ и большее: отмѣчая множество фактовъ извѣстнаго порядка, она побуждаетъ людей науки сдѣлать эти факты предметомъ многосторонняго изслѣдованія. *Наука и публицистика необходимы другъ другу, и чѣмъ тѣснѣе эта связь, тѣмъ лучшее оружіе имѣетъ народъ для борьбы со многими общественными бѣдствіями.* Если наша печать не можетъ еще быть поставлена на ту высоту, которой уже достигла печать западной Европы, то и у насъ она значительно прогрессировала: и по разносторонности собираемаго и обсуждаемаго матеріала, и по твердости, съ которою отстаиваются проводимыя воззрѣнія, наша печать стоитъ много выше, нежели четверть вѣка назадъ. Поэтому, факты, приносимые газетами, только въ тѣхъ случаяхъ не даютъ годнаго для научныхъ выводовъ матеріала, когда невѣрность сообщенія доказана или, за отсутствіемъ доказательствъ, если сообщенія, по своему содержанію, не могутъ примириться съ другими точно наблюденными фактами того-же порядка. Найди я въ газетахъ извѣстіе, что гдѣ-нибудь въ отдаленномъ уголкѣ Россіи груп-

па лицъ образовала артель стариннаго типа, собственными усиліями составила милліонный капиталъ и успѣшно ведетъ обширное промышленное предпріятіе,—я бы усомнился въ истинности сообщенія. Но тѣ данныя объ артеляхъ, которыя я почерпалъ изъ «газетныхъ статеекъ», вполнѣ соотвѣтствуютъ представленіямъ, которыя мы получаемъ объ артеляхъ и изъ всѣхъ другихъ источниковъ. Кто усвоилъ привычку относиться къ матеріаламъ критически, тотъ не впадетъ въ грубую ошибку и при пользованіи статейками газетъ. Въ возраженіи г. Сазонова противъ моихъ ссылокъ на «газетныя статейки» всего болѣе любопытно то, что онъ упрекаетъ меня въ многократномъ цитированіи статей *Русскихъ Вѣдомостей*. Замѣчу, что цитированныя корреспонденціи Русскихъ Вѣдомостей принадлежатъ перу г. Щербины, умнаго даровитаго публициста, знатока артелей, посвятившаго имъ обширный трудъ, конечно, извѣстный г. Сазонову. Мѣсто, занимаемое г. Щербиной въ нашей литературѣ, не только позволяетъ, но и обязываетъ пользоваться каждой замѣткой, вышедшей изъ подъ его пера.

Но если я не безъ основанія черпалъ матеріалъ изъ газетныхъ статеекъ, то почему же я опустилъ многія книги? опущеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ г Сазоновъ не знаетъ даже, какъ и назвать. И Гакстгаузенъ, и Максимовъ, и Майновъ и другіе, гораздо болѣе важные, по мнѣнію рецензента, матеріалы вовсе не приняты мною въ разсчетъ. Замѣчу, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., книжку г. *Майнова* (Поѣздка въ Обонежье и Корелу. 1877) я перелисталъ только по прочтеніи рецензіи г. Сазонова и, перелиставъ, убѣдился, что его замѣтка о бурлакахъ въ началѣ книги не прибавляетъ ничего новаго къ изложенному о тѣхъ же артеляхъ въ моемъ трудѣ и ни мало не колеблетъ моихъ выводовъ. Но для объясненія этихъ пропусковъ я установлю общія положенія о значеніи матеріаловъ.

Наука нуждается въ работникахъ различныхъ разрядовъ. Одни составляютъ каталоги, справочныя книги, указатели [4]), вносятъ въ нихъ и цѣнные, а подчасъ и никуда негодные

4) И указатели нужно составлять съ разборомъ. Въ апрѣль-

матеріалы. Это—трудъ почтенный, полезный; онъ облегчаетъ обработку фактическихъ данныхъ, а облегченіе труда, при краткости человѣческой жизни и тѣхъ огромныхъ требованіяхъ, которыя общество ставитъ служителямъ науки, имѣетъ неоцѣненное значеніе. Другіе, не задаваясь цѣлью собранія фактовъ, откидываютъ одни матеріалы, пользуются другими только для освѣщенія своихъ положеній и стараются построить общіе выводы относительно явленій даннаго порядка. Какъ несправедливо требовать отъ г. Межова, чтобы онъ въ своихъ полезныхъ указателяхъ дѣлалъ и выводы о кустарныхъ промыслахъ или артеляхъ, такъ нѣтъ смысла требовать, чтобы я въ своей книгѣ, представляющей общую картину строенія и жизни артелей, собралъ всѣ, относящіеся до нихъ факты, свелъ во едино все нужное и ненужное. *Упрекъ, дѣлаемый мнѣ, станетъ справедливымъ лишь тогда, когда мнѣ докажутъ, что факты, опущенные мной, опровергаютъ мои выводы.* Пока это не доказано, до тѣхъ поръ упрекъ свидѣтельствуетъ только о непониманіи рецензентомъ значенія фактовъ; въ нихъ онъ видитъ все и забываетъ, что цѣль научной работы есть обобщеніе фактовъ, выводы. И ужь, конечно, если факты, не упомянутые мной, содержитъ ли ихъ «Докладъ сельско-хозяйственной коммиссіи», или Гакстгаузенъ, или еще кто-нибудь, только подкрѣпляютъ выводы, то авторъ долженъ пользоваться полной свободой выбора, не ожидая разрѣшенія рецензента. Счетъ ссылокъ въ моей книгѣ, къ которому прибѣгаетъ г. Сазоновъ на стр. 24 своей рецензіи, влагаетъ въ каждаго читателя глубокое убѣжденіе, что рецензентъ не забылъ сложенія цѣлыхъ чиселъ—а это дѣлаетъ честь его памяти; но счетъ этотъ вовсе не доказываетъ, чтобы г. Сазоновъ былъ знакомъ съ пріемами научной работы и аз-

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

ской книгѣ *Русской Мысли* за 1881 г. г. Сазоновъ привелъ литературу объ артеляхъ. Кто прочитаетъ это возраженіе, тотъ избавитъ себя отъ лишняго и безполезнаго труда рыться въ книгахъ, не дающихъ важныхъ фактовъ, хотя г. Сазоновъ и указываетъ на эти книги.

бучными общими положеніями науки, знаніе которыхъ необходимо для правильной оцѣнки каждаго монографическаго изслѣдованія.

По поводу значенія матеріаловъ сдѣлаю еще одно замѣчаніе. Литература по обществознанію (въ широкомъ смыслѣ) громадна. На главныхъ европейскихъ языкахъ выходитъ ежегодно много тысячъ книгъ и брошюръ; съ каждымъ годомъ литература возрастаетъ Еслибы, какъ утверждаетъ г. Сазоновъ. научный трудъ имѣлъ значеніе только подъ условіемъ прочтенія или даже просмотра всѣхъ матеріаловъ и извлеченія всѣхъ «интересныхъ» фактовъ, то чрезъ 100—200 лѣтъ не будетъ мѣста для научнаго труда. Предъ изслѣдователемъ по каждому отдѣльному вопросу будетъ такое множество фактовъ, что вся жизнь пойдетъ на ихъ собраніе и записаніе: для выводовъ не останется времени (и какъ же будутъ бичевать гг. Сазоновы тѣхъ ученыхъ, которые не воспользуются всѣми фактами). Поэтому, необходимо придавать значеніе лишь тѣмъ фактамъ, которые могутъ вліять на выводы; необходимо, чтобы и составители справочныхъ книгъ относились критически къ матеріаламъ, на которые они дѣлаютъ указанія, отмѣчали важность однихъ и малую пригодность другихъ. Лучшіе представители науки нашего времени, которые могутъ и должны служить для насъ образцами, вовсе не проявляютъ склонности къ погонѣ за фактами ради фактовъ, къ перечисленію мнѣній, высказанныхъ въ литературѣ ради этихъ мнѣній. Знаменитый историкъ, юристъ и экономистъ *Л. ф. Штейнъ* въ своихъ глубокихъ изслѣдованіяхъ по управленію, финансамъ и т д. указываетъ лишь въ общихъ чертахъ направленіе въ литературѣ, рѣдко перечисляетъ воззрѣнія отдѣльныхъ писателей *Мэнъ, Миллъ* и многіе другіе первоклассные ученые пользуются фактами лишь для освѣщенія своихъ положеній. И такой образъ дѣйствій правиленъ: работаетъ-ли человѣкъ надъ системой науки или монографіей—онъ долженъ помнить, что важно не перечисленіе фактовъ, а *построеніе выводовъ* и поясненіе ихъ нѣсколькими фактами; не накопленіе статистическихъ, историческихъ и другихъ данныхъ, а установленіе связи меж-

ду отдѣльными явленіями, отысканіе ихъ причинъ и указаніе послѣдствій.

Сюда же относится и упрекъ г. Сазонова (стр. 28), что я не изслѣдовалъ артелей на мѣстахъ. «Въ данномъ случаѣ тѣмъ возможнѣе было ожидать такого изученія, что авторъ—человѣкъ обезпеченный и живетъ на главной артеріи артели—на Волгѣ».—Нечего и говорить, насколько справедливъ такой упрекъ: изслѣдованіе артелей на мѣстахъ, даже въ томъ случаѣ, если предметомъ ему служатъ лишь не многія артели, имѣетъ ту огромную важность, что освѣщаетъ такія стороны быта этихъ союзовъ, которыя познаются только изъ личнаго наблюденія. Результатомъ впечатлѣній, произведенныхъ артелью въ натурѣ, была бы картина жизни этихъ союзовъ въ такой полнотѣ, какой не даютъ книжные, хотя бы и обильные матеріалы: индивидуальность человѣка заставляетъ его обратить вниманіе на тѣ особенности явленія, которыя, быть можетъ, были обойдены другими изслѣдователями, а потому наблюденіе на мѣстѣ всегда можетъ быть плодотворно Упрекъ, который высказываетъ рецензентъ, можетъ быть сдѣланъ мнѣ тѣмъ съ большимъ правомъ, что я посвятилъ не мало времени на изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ въ Россіи и заграницей, а также артелей во Франціи и Германіи и усвоилъ себѣ пріемы, необходимые при изученіи на мѣстахъ.—Въ объясненіе, почему я этого не сдѣлалъ, скажу, что этому препятствовало много разнообразныхъ причинъ, связанныхъ и съ условіями моей общественной дѣятельности, и домашней жизни, и съ состояніемъ моего здоровья, причинъ, которыя не обѣщали мнѣ въ близкомъ будущемъ возможности изслѣдовать артели на мѣстахъ. Того одного факта, что человѣкъ живетъ на Волгѣ (я воспользовался имъ, сколько могъ, и изъ наблюденія познакомился съ артелями крючниковъ въ Рыбинскѣ) недостаточно, для изслѣдованія такого числа артелей, какъ было бы желательно другимъ или самому себѣ.

Но къ замѣчанію, справедливому по существу, г. Сазоновъ пріобщилъ добавленіе, разсчитанное на эффектъ; въ неразборчивомъ читателѣ оно можетъ, пожалуй, вызвать

представленіе о великомъ остроуміи моего рецензента. Выписавъ изъ предисловія къ первому выпуску моего труда «Промыслы Московской губерніи» то мѣсто, въ которомъ я говорю о впечатлѣніи, производимомъ мною на кустарниковъ, онъ говоритъ: «О, въ такомъ случаѣ нечего винить автора! Если онъ производитъ такое страшное впечатлѣніе на народъ, то, конечно, изслѣдовать артели въ жизни было бы съ его стороны не только не умно, но даже не гуманно,—онъ только разогналъ бы всѣ артели» (28).

Замѣчаніе это, сдѣланное на моемъ диспутѣ г. Семевскимъ, показалось г. Сазонову до того остроумнымъ, что онъ привелъ его въ рецензіи и не назвалъ источника, дабы тѣмъ присвоить себѣ честь изобрѣтенія. Можетъ ли онъ гордиться этой похищенной честью—покажутъ ближайшія строки.

На диспутѣ я назвалъ замѣчаніе г. Семевскаго «фельетоннымъ во вкусѣ извѣстныхъ органовъ нашей печати», и назвалъ такъ не безъ основанія. Фельетонистъ лишенъ начальныхъ знаній, лишенъ способности не только оцѣнить ученый трудъ, но даже внимательно прочесть его; онъ извлекаетъ изъ него лишь то, что можетъ потѣшить публику. А доставлять публикѣ потѣху—и есть назначеніе жизни фельетониста. Такъ и здѣсь. Правда, по формѣ въ моемъ предисловіи—нѣсколько гиперболъ Правда, при моемъ входѣ въ избу, спицы не вываливались изъ рукъ хозяйки. Но если со стороны формальной тутъ есть преувеличеніе, то всякій, производившій изслѣдованіе на мѣстахъ, знаетъ, какое безпокойство вызываетъ среди поселянъ появленіе человѣка незнакомаго, члена инаго общественнаго слоя. Всякій знаетъ, что незнакомаго человѣка встрѣчаютъ съ недовѣріемъ, и недовѣріе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше отстоитъ деревня отъ городовъ или иныхъ оживленныхъ средоточій. Немудрено, если и меня встрѣчали недовѣрчиво: и въ Московской губерніи мѣстныя изслѣдованія 7 лѣтъ тому назадъ были дѣломъ новымъ; и теперь я подтверждаю фактъ, что въ нѣсколькихъ деревняхъ мебельнаго округа пришлые кустарники, не имѣя паспортовъ, скрывались. Теперь во многихъ губерніяхъ населеніе привыкло видѣть статистиковъ,

освоилось съ ихъ безконечными и надоѣдливыми для поселянъ разспросами. Въ Московской же губерніи *я былъ первымъ мѣстнымъ изслѣдователемъ.*

И такъ, мое предисловіе истинно. Форму-же я охотно дарю моему рецензенту. Глумленіе надъ этой формой, надъ десяткомъ строкъ, имѣло бы смыслъ, если бы мое изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ было безрезультатно, если-бы оно только и содержало въ себѣ эти 5—6 гиперболъ. Но если вспомнить, что мои изслѣдованія промысловъ дали и до сихъ поръ даютъ матеріалъ для десятковъ большихъ и малыхъ статей, что они популяризированы въ нашей литературѣ, что они сдѣлались извѣстными въ Германіи посредствомъ извлеченій и рецензіи нынѣ берлинскаго профессора Туна, который поставилъ ихъ за образецъ работъ по статистикѣ сельской промышленности, что они—*и это главное*—положили начало изученію кустарной промышленности въ другихъ губерніяхъ, а составленная мною программа принята изслѣдователями за руководство,—то неизбѣжно признаешь хищеніе г. Сазонова неудачнымъ, а самое остроуміе—фельетонно-беззубымъ.

Наконецъ, сюда же относятся порицанія рецензента и моему способу пользованія матеріалами. На стр. 19 г. Сазоновъ дѣлаетъ замѣчаніе, что трудъ г. Калачова,—«Артели въ древней и нынѣшней Россіи»—устарѣлъ. «Въ виду вышесказанныхъ соображеній о книгѣ г. Калачова, конечно, понятныхъ г. Исаеву, думаю, едва ли удобно было вступать въ такой тѣсный союзъ съ г. Калачовымъ» (20). «Ходскій утверждалъ, что авторъ дѣлаетъ иногда ссылки на первоначальные матеріалы, которыми въ дѣйствительности не пользовался» (21)

«Трудъ устарѣлъ»—слышится весьма часто; но многіе, употребляющіе это выраженіе, не даютъ себѣ въ немъ яснаго отчета. Справедливо говоритъ *Рошеръ* въ предисловіи къ своему громадному труду (Geschichte der Nationaloekonomie in Deutschland 1874): «Нужно умѣть дѣлать различіе между старымъ и устарѣвшимъ. Въ искусствѣ и наукѣ старѣетъ только незначительное: относительно же послѣдняго можно сомнѣваться, чтобы оно когда-либо было

молодо. Все же, имѣющее значеніе для своего времени, не старѣетъ никогда!» Здѣсь же умѣстно привести и прекрасный стихъ Шиллера:

Wer hat genug für seine Zeit gelebt,
Der hat gelebt für alle Zeiten.

Какъ человѣкъ, употребившій на полезное дѣло всѣ свои способности и послужившій своему времени, всегда представляетъ интересъ для историка, такъ и отдѣльное произведеніе человѣка, будь то книга или что-нибудь иное. Въ исторіи изученія артелей книга г. Калачова имѣетъ и всегда будетъ имѣть значеніе, какъ трудъ, положившій начало серьезному изслѣдованію старинной формы общенія нашего народа. Но, помимо этого, книга г. Калачова важна, какъ собраніе историческихъ данныхъ. Г. Калачовъ—знатокъ русской старины; въ своей книгѣ онъ собралъ всѣ тѣ характерныя свѣдѣнія объ артеляхъ, которыя дали ему историческіе источники, вышедшіе въ свѣтъ раньше его труда. Такъ какъ факты, приводимые имъ, доказываютъ существованіе въ древней Россіи артелей разныхъ видовъ, то они имѣютъ значеніе для каждаго, работающаго надъ этимъ вопросомъ; всякій, кто будетъ сообщать объ артеляхъ историческія свѣдѣнія, почерпнетъ многіе факты изъ книги г. Калачова. Трудъ такого ученаго не можетъ устарѣть, и всякому лестно вступить въ союзъ съ г. Калачовымъ. И я, работая надъ моей книгой, бралъ изъ труда г. Калачова многіе факты, а въ одномъ случаѣ высказалъ несогласіе съ почтеннымъ археологомъ (стр. 49, прим. 1). Приводя тѣ же данныя, которыя встрѣчаются въ трудѣ г. Калачова, я вносилъ ихъ въ мою книгу потому, что считалъ и считаю ихъ характерными. При ссылкахъ на источники, дѣйствительно вкрались 2 ошибки. Говоря объ артели извозчиковъ, я сослался на 294 № Юридическихъ Актовъ, вмѣсто 198, и, описывая артели ярыжныхъ, не точно редактировалъ тѣ строки, на которыхъ говорится о заработкахъ артельщиковъ. Эти ошибки объясняются слѣдующими причинами. На стр. 12 и 13 г. Калачовъ сообщаетъ свѣдѣнія объ артеляхъ извозчиковъ и ямщиковъ. Свѣривъ эти мѣста съ актами, я заключилъ, что изъ послѣднихъ ясно видно су-

ществованіе артели извозчиковъ (А. Ю., № 198), артели же ямщиковъ (А. Ю., 294) нѣтъ на лицо, такъ какъ акты ничего не говорятъ о соотношеніи между ямщиками а только указываютъ на круговую поруку тѣхъ, которые за нихъ поручились. Отмѣтивъ первую артель въ своей книгѣ, я возразилъ г. Калачову по поводу второй и ошибся въ ссылкѣ; такимъ образомъ, эта ошибка—совершенно формальная, ни въ чемъ не убѣждающая. Вторая ошибка такого рода. «Всѣмъ ярыжнымъ. . была опредѣлена одинаковая плата» (Артели, 51); это значитъ, что она была одинакова для членовъ каждой изъ двухъ артелей, но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, какъ утверждаетъ г. Сазоновъ, будто я дѣлаю ее одинаковой для всѣхъ 14 человѣкъ, составлявшихъ 2 артели, раздѣленныя 11 годами. Плата членовъ второй артели ярыжныхъ (А. Ю. № 311, I!) была одинакова: «А найму они ярыжные рядили.... до Астороханн, на свой на ярыжный хлѣбъ и на вологу на всякаго человѣка по рублю», въ первой же артели она была не равна, а я по ошибкѣ назвалъ ее и тамъ равною. Но эти 2 ошибки, подобныя которымъ могутъ быть отысканы во всякомъ сколько-нибудь обширномъ трудѣ, внѣшнія; онѣ не даютъ гг. Ходскому и Сазонову права утверждать, что я выписывалъ изъ книги г. Калачова, не свѣряясь съ источниками. Что я читалъ источники и извлекалъ изъ нихъ еще не извѣстные въ нашей литературѣ факты, доказывается наличностью въ моей книгѣ свѣдѣній объ интересной артели рабочихъ на судахъ (стр. 50), артеляхъ извозчиковъ въ концѣ 17 в. (48—9) и кузнецовъ (47—8). Свѣдѣнія эти, какъ и сдѣланы ссылки, извлечены мною изъ источниковъ А разъ я читалъ одни памятники, то неужели я былъ настолько наивенъ, чтобы, пользуясь книгой г. Калачова, непровѣрить его ссылокъ, не затратить на это пары лишнихъ часовъ!

Упрекъ въ подражаніи г. Калачову непопадаетъ въ цѣль и тамъ, гдѣ г. Сазоновъ и К° говорятъ, что я опустилъ кредитныя артели, тогда какъ памятники (№№ 238 и 239 Юр. Ак.) прямо указываютъ на нихъ. Прочитаемъ же эти мѣста актовъ. Подъ № 238 помѣщена закладная. Нѣсколько крестьянъ заняли 4 рубля и «въ тѣхъ. ... день-

гахъ заложили пожню».—Дальше говорится: «а въ серебрѣ есмя всѣ пять насъ единъ человѣкъ, который насъ въ лицѣхъ на томъ серебро». Окончаніе фразы указываетъ на круговую поруку. Но стоитъ ли говорить здѣсь объ артели, о круговой порукѣ, когда ссуда обезпечена залогомъ? Заложенная пожня состоитъ въ общей собственности; естественно, что въ случаѣ неисполненія обязательства, взысканіе обращается на заложенное имущество; по отношенію къ этому имуществу всѣ пятеро являются, какъ «единъ человѣкъ» и выраженіе «которой насъ въ лицѣхъ», не имѣетъ самостоятельнаго значенія —Въ заемной подъ № 239, по которой 4 крестьянина взяли въ ссуду рожь, мы читаемъ такія слова: «а кой насъ въ лицѣхъ любъ на томъ денги или рожъ». Намекъ на артель въ этой заемной отнюдь не противорѣчитъ моимъ словамъ (*Артели* 28 стр.): «неразвитость хозяйственной жизни въ древней Россіи исключала возможность организаціи кредита». Отрицая этими словами существованіе артельной организаціи для кредита, я допускаю не только этотъ случай, указанный въ приведенной заемной, но и другіе, когда нѣсколько лицъ брали ссуду за круговой порукой. Если веденіе промысла дѣлало необходимымъ образованіе артелей, иногда недолговѣчныхъ, въ другихъ случаяхъ разсчитанныхъ на продолжительное существованіе, то организованныхъ артелей для кредита, за неразвитостью кредитныхъ отношеній того времени, быть не могло; эти артели—происхожденія новаго. Понятно, что о нихъ не говоритъ г. Калачовъ, и я отрицаю ихъ существованіе.

II. Вторую группу возраженій образуютъ тѣ замѣчанія г. Сазонова, которыми онъ осуждаетъ отдѣльныя мѣста и даже главы моей книги.

Приведенныя мною историческія свѣдѣнія очень не нравятся г. Сазонову. Во-первыхъ, этимъ свѣдѣніямъ, сравнительно съ остальными частями труда, удѣлено слишкомъ мало мѣста, всего 23 страницы по счету г. Сазонова; дальнѣйшія страницы этой главы говорятъ объ артеляхъ биржевыхъ и другихъ новѣйшаго происхожденія, а эти данныя отнюдь не могутъ быть отнесены въ рубрику историческихъ

свѣдѣній: «вѣдь поэтому на прошлой недѣлѣ, вчера, даже нѣсколько часовъ назадъ образовавшуюся артель нужно отнести сегодня въ область исторіи» (20). Первыя 4 страницы второй главы моей книги высказываютъ догадку, что въ древней Россіи, при слабомъ развитіи гражданственности, слагались артели для набѣговъ; догадка эта вызываетъ слѣдующее замѣчаніе рецензента: «наука, да еще экономическая, не имѣетъ дѣла съ измышляемыми вѣроятностями, хотя бы и остроумными; тѣмъ болѣе не слѣдуетъ развивать ихъ на цѣлыхъ страницахъ и въ явный ущербъ и историческимъ свѣдѣніямъ и интересамъ истины» (20-1).

Если бы мнѣ самому пришлось быть рецензентомъ моей книги, то я призналъ бы главу, содержащую историческія свѣдѣнія, наиболѣе слабой частью моего труда; но въ этомъ признаніи я руководствовался бы отнюдь не тѣми второстепенными соображеніями, въ силу которыхъ вторая глава вызываетъ порицанія г. Сазонова. Историческій очеркъ, какого явленія онъ ни касается, имѣетъ тѣмъ большую цѣну, чѣмъ болѣе данное явленіе приведено въ связь съ другими фактами, могущими оказывать на него вліяніе. Только тогда передъ читателемъ воскресаетъ полная картина извѣстной области общественной жизни, и данное явленіе выступаетъ ярко освѣщеннымъ Въ той части главы, которая посвящена новѣйшимъ артелямъ, отмѣчено нѣсколько важнѣйшихъ моментовъ нашей общественной жизни, имѣвшихъ вліяніе на возникновеніе этихъ артелей. Тѣ же страницы, которыя отведены артелямъ древнѣйшимъ и биржевымъ, представляютъ только факты, касающіеся этихъ союзовъ, и не затрогиваютъ многихъ сторонъ быта, имѣющихъ отношеніе къ изслѣдованному вопросу. Такъ, напр., слѣдовало бы остановиться болѣе подробно на техникѣ промысловъ древней Руси, отмѣтить быстроту или медленность накопленія капиталовъ, указать на формы хозяйственной дѣятельности того времени и т. д. Словомъ, если бы фономъ картины служилъ очеркъ, хотя бы самый краткій, хозяйственной жизни Россіи, то данныя объ артеляхъ выдѣлялись бы болѣе выпукло, и вторая глава выиграла бы въ огромной степени. Въ этомъ отношеніи глава въ дру-

гомъ моемъ трудѣ, посвященная исторіи французскихъ и нѣмецкихъ товариществъ, даетъ гораздо больше. Именно въ этомъ, а никакъ не въ томъ, что глава объ исторіи содержитъ столько-то страницъ, столько то фактовъ (странное дѣло! Гдѣ количественныя различія не стоятъ въ связи съ качественными, тамъ г. Сазоновъ отыскиваетъ связь. Гдѣ же связь эта очевидна и убѣдительна—тамъ, какъ будетъ показано ниже, рецензентъ ея не понимаетъ), и заключается недостатокъ. Если исторіи артелей отведено не много мѣста, то, съ точки зрѣнія цѣли, которую я преслѣдовалъ, это объясняется очень легко: я стремился, главнымъ образомъ, опредѣлить значеніе артели для настоящаго времени, представить ея организацію и указать мѣсто, принадлежащее ей среди другихъ формъ предпріятій; движеніе, направленное на образованіе артелей, болѣе привлекаетъ вниманіе изслѣдователя, поставившаго вышеуказанную цѣль, нежели тѣ данныя, которыя мы имѣемъ о древнѣйшихъ артеляхъ.

Но если я самъ подвергаю вторую главу оцѣнкѣ и самъ указываю на ея недостатки, то замѣчанія г. Сазонова нахожу совершенно ничтожными. Переходя къ спору о словахъ, можно отвѣтить ему, что артель, образовавшуюся нѣсколько часовъ тому назадъ, нельзя отнести въ область исторіи потому, что мы не обладаемъ способами для столь быстраго полученія извѣстій и обнародованія ихъ. Но, дѣйствительно, артель, сложившаяся нѣсколько часовъ тому назадъ, уже отходитъ въ область исторіи. Какъ провести границу между событіями прошлаго, изъ которыхъ одни отходятъ въ область исторіи, другія же еще не удостоились этой чести? Быть можетъ, г. Сазоновъ, доказавшій свою силу въ сложеніи простыхъ чиселъ, столь же хорошо знакомъ и съ дѣленіемъ: въ такомъ случаѣ онъ научитъ насъ, какъ раздѣлить историческое отъ неисторическаго; пожалуй, онъ скажетъ намъ, что все совершившееся до потопа, есть предметъ исторіи, все же, происшедшее позднѣе, не должно получить этого признанія, и тѣмъ повѣдаетъ міру новую истину. Человѣкъ отсталый, я держусь тѣхъ воззрѣній, которыя установились въ наукѣ, и думаю, что все, случив-

шееся вчера, уже отошло въ область исторіи, и никакая сила не можетъ прибавить къ нему ничего. Пусть г. Сазоновъ обратится къ литературѣ, и онъ увидитъ, что въ наукѣ упрочилось такое воззрѣніе. На ряду съ исторіями древняго Востока мы имѣемъ «Исторію 19 вѣка» и при томъ такого автора, какъ Гервинусъ; на ряду съ историческимъ изслѣдованіе «О ремеслѣ во время Гомера» мы имѣемъ «Исторію освобожденія крестьянъ въ Россіи». Г. Сазоновъ могъ бы изъ лекцій своего наставника, профессора В. И. Сергѣевича, научиться, что относится къ области исторіи: онъ увидѣлъ бы, что въ своемъ курсѣ профессоръ Сергѣевичъ, изслѣдуя древнѣйшій юридическій бытъ Россіи, излагаетъ развитіе правовыхъ учрежденій и за послѣднія десятилѣтія. Возьму, наконецъ, уже названный мною трудъ Рошера «Исторія политической экономіи въ Германіи». Представляя въ концѣ книги развитіе новаго направленія въ нѣмецкой экономической литературѣ, Рошеръ указываетъ на Конрада, Шееля, Брентано и другихъ писателей, которые и теперь еще—люди молодые. Усвоивъ себѣ это воззрѣніе, я и отнесъ свѣдѣнія о новѣйшихъ артеляхъ въ главу, посвященную историческому очерку. Полагаю,—достаточное объясненіе. Но у меня была для этого еще болѣе основательная причина: многія изъ новѣйшихъ артелей, перечисленныя во второй главѣ, уже прекратили свое существованіе; передъ изслѣдователемъ онѣ не являются чѣмъ то длящимся, не допускающимъ окончательнаго приговора: онѣ—явленіе законченное; процессъ ихъ образованія, ихъ успѣхи и неудачи со всѣми послѣдствіями для среды, въ которой онѣ слагались, даютъ благодарный матеріалъ для познанія артелей и сужденія о нихъ, даютъ полное право для окончательнаго надъ ними приговора. Онѣ завершили свое поприще, а потому ихъ и можно отнести только въ область исторіи [5]).

---

5) Любопытно было бы выяснить, не для обогащенія науки новой истиной, а для вящшей характеристики г. Сазонова, не оттого ли проистекаетъ непониманіе имъ исторіи, что онъ ищетъ матеріаловъ для нея только въ «фоліантахъ»?

Второе замѣчаніе его (припоминаю. что оно уже было кѣмъ-то высказано на моемъ диспутѣ и теперь похищено рецензентомъ) также несостоятельно. Тѣ «измышляемыя вѣроятности» (скажу въ поясненіе г. Сазонову, что для нихъ употребляется терминъ *гипотеза*), противъ которыхъ возстаетъ рецензентъ, являются одной изъ необходимыхъ принадлежностей науки. Всѣ отрасли знанія развивались и развиваются при помощи гипотезъ, т. е. предположеній вѣроятныхъ, но не опирающихся на достаточныя доказательства. О необходимости гипотезъ *Миллъ* (Логика, II, 16) совершенно справедливо говоритъ. «Гипотеза, возбуждая наблюденія и опыты, наводитъ насъ на дорогу къ этому независимому доказательству, если оно, дѣйствительно, достижимо. И, пока оно не достигнуто, гипотезу слѣдуетъ признавать отнюдь не болѣе, какъ предположеніемъ. Однако, эта услуга гипотезъ должна быть причислена къ совершенно необходимымъ въ наукѣ». Гипотезы, по своему характеру, бываютъ двоякія. Однѣ изъ нихъ вовсе не подкрѣплены доказательствами; если онѣ не противорѣчатъ другимъ явленіямъ среды, къ которой относятся, то имѣютъ значеніе предположеній, направляющихъ изслѣдователей въ данную область; дальнѣйшія работы по этому пути или ведутъ къ отрицанію гипотезы или же обосновываютъ ее, возводятъ въ теоретическое положеніе. Другія гипотезы не только вѣроятны, но и подкрѣпляются фактами; недостаточность фактовъ, а потому и недостаточность провѣрки не позволяютъ принять предположеніе, какъ вполнѣ доказанное, и дѣлаютъ его только въ высшей степени вѣроятнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ гипотеза имѣетъ наибольшее значеніе: она не только указываетъ путь другимъ изслѣдователямъ, но и даетъ положеніе, которое, какъ отчасти провѣренное, можетъ быть временно принято за научное. Мои «измышляемыя вѣроятности» принадлежатъ къ гипотезамъ втораго рода. Вопервыхъ, гипотеза о возникновеніи въ древнѣйшее время артелей. главнымъ образомъ, для набѣговъ, вѣроятна, такъ какъ она не противорѣчитъ тѣмъ фактамъ, которые отличаютъ низко развитую экономическую жизнь. Во вторыхъ, гипотеза эта подкрѣплена доказательствомъ, заим-

ствованнымъ изъ быта донскихъ казаковъ въ 18 и предъидущихъ столѣтіяхъ; если такія артели держались еще 100 лѣтъ назадъ, когда Россія была государствомъ съ развитой экономической жизнью, то, весьма вѣроятно, онѣ имѣли частое примѣненіе въ отдаленныя отъ насъ эпохи Отсюда,— предположеніе это обладаетъ большой степенью достовѣрности и оказываетъ услугу тѣмъ, кто будетъ работать надъ исторіей русскихъ артелей. Оно не безполезно и для тѣхъ, которые, будучи убѣждены въ его ложности, постараются доказать ее: приводя противорѣчащіе факты. они дадутъ намъ, быть можетъ, вполнѣ обоснованную теорію древнѣйшихъ артелей. Чтобы моя гипотеза противорѣчила, какъ утверждаетъ г. Сазоновъ, «историческимъ свѣдѣніямъ», этого онъ не докажетъ до тѣхъ поръ, пока въ рукахъ его не будутъ историческія данныя, свидѣтельствующія о невозможности существованія и широкаго распространенія въ древней Россіи артелей для набѣговъ.

Недовольный исторіей, г. Сазоновъ негодуетъ и на то относительное количество мѣста, которое отведено артелямъ отдѣльныхъ видовъ и въ другихъ главахъ моего труда. Ариѳметическія дѣйствія надъ ссылками убѣждаютъ рецензента, что около половины ссылокъ относятся къ артелямъ биржевымъ и насажденнымъ искусственно. Многія изъ новыхъ артелей, устроенныхъ земствами, уже не существуютъ; другія, хотя и существуютъ, но рѣзко уклонились отъ чистаго типа артелей. Если самъ г. Исаевъ, замѣчаетъ рецензентъ, находитъ, что онѣ уклонились отъ типа артелей, «то почему же было набивать полкниги этимъ хламомъ»? (24) Зачѣмъ было удѣлять столько мѣста «десяткамъ вымирающихъ артелей, искаженныхъ»? «Разумѣется, къ выводамъ ученаго, такъ ненаучно поставившаго вопросъ, слѣдуетъ относиться крайне осторожно» (28).

Если я на предъидущихъ страницахъ доказалъ, что г. Сазоновъ не знакомъ съ пріемами научной работы, то, надѣюсь, не будетъ особенно затруднительнымъ убѣдить читателя въ неосновательности и этого упрека. Для анализа послѣдняго обвиненія, нужно показать различіе между г. Сазоновымъ и мною въ точкахъ зрѣнія на артели.

Съ точки зрѣнія теоретической г. Сазоновъ признаетъ артелями только тѣ изъ перечисленныхъ мною союзовъ, которые строго соотвѣтствуютъ старинному типу, руководствуются обычаемъ, не обязаны своимъ происхожденіемъ стороннему вмѣшательству, не внесли въ свой строй такихъ началъ, которыя ведутъ ихъ къ вырожденію и—рано или поздно—приблизятъ къ капиталистическимъ предпріятіямъ. Другимъ артелямъ онъ не придаетъ серьезнаго значенія. Ступая въ область практики, г. Сазоновъ желаетъ, чтобы эти артели старинаго типа получили наибольшее распространеніе.—Ограниченіе задачи такими рамками можетъ быть вполнѣ оправдано, если авторъ ставитъ эти ограниченія изъ побужденій, лежащихъ внѣ изслѣдуемаго вопроса. Если же человѣкъ,—а такъ именно и дѣлаетъ г. Сазоновъ,—на первыхъ же порахъ считаетъ биржевыя артели «хламомъ», а тѣ изъ новѣйшихъ, которыя рушились, не заслуживающими изслѣдованія, то онъ теряетъ почву для исторической оцѣнки явленія, а такая оцѣнка имѣетъ наибольшую важность. Если бы въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, по самому ихъ характеру, могли примѣняться исключительно артели старинаго типа, то подобное игнорированіе другихъ артелей не было бы сопряжено съ крупными невыгодами. Считая старинный типъ наилучшимъ, г. Сазоновъ могъ бы сказать: «зная, что въ такихъ-то промыслахъ эти артели будутъ примѣняться всегда, я требую содѣйствія артелямъ въ этихъ промыслахъ; объ остальномъ же я не забочусь». Не то даетъ намъ дѣйствительность: хотя въ отдѣльныхъ промыслахъ болѣе часто слагаются артели старинаго типа, нежели искаженныя, однако, нигдѣ не исключена возможность искаженія артельной формы. Плотничій или рыболовный промыслы представляются наиболѣе благопріятными для охраненія артелей въ чистотѣ; а между тѣмъ, и въ этихъ занятіяхъ мы встрѣчаемъ артели разныхъ типовъ. Поэтому, гоняясь только за старинными артелями, изслѣдователь совершенно упускаетъ изъ вида условія, въ силу которыхъ онѣ вырождаются; упуская ихъ изъ вида, онъ, при начертаніи извѣстныхъ практическихъ требованій, способныхъ, будтобы, содѣйствовать развитію

артелей, необходимо долженъ сдѣлать ошибку, не указать на нѣкоторыя мѣры, препятствующія вырожденію этихъ союзовъ; сверхъ того, не имѣя во многихъ промыслахъ артелей стариннаго типа и пренебрегая насажденными, онъ лишенъ возможности судить, насколько примѣнима въ этихъ отрасляхъ артельная форма производства. Считая такое намѣренное съуженіе изслѣдуемой области и ненаучнымъ и практически вреднымъ, я поставилъ задачу болѣе широко. Памятуя о постоянномъ и неустранимомъ соотношеніи между каждымъ отдѣльнымъ явленіемъ и многими другими фактами, я не пріурочивалъ термина «артель» только къ союзамъ стариннаго типа, крѣпнущимъ на обычаѣ; я взялъ всѣ союзы, въ частностяхъ различные, но сходные въ нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ признакахъ, и сдѣлалъ ихъ всѣ предметомъ изученія. Зная, по сравненію съ другими учрежденіями, государственными, хозяйственными, что и артель способна къ измѣненію, къ вырожденію, я остановился и на тѣхъ союзахъ, которые, въ противоположность артелямъ звѣро-или-рыболововъ, занимаютъ высшую (въ смыслѣ большей сложности) ступень и приближаются къ инымъ формамъ предпріятій. Къ послѣднимъ, несомнѣнно, относятся биржевыя. Благодаря такому расширенію задачи, сдѣлалось возможнымъ обнять многочисленныя условія, вызывающія въ артеляхъ измѣненія. Укажу только на одинъ примѣръ. Всѣмъ извѣстно, что городская жизнь имѣетъ на человѣка могущественное вліяніе; чтобы прослѣдить это вліяніе на артеляхъ, необходимо было взять артели биржевыя. Но—мало поставить общее положеніе о вліяніи городской жизни; нужно уловить въ ней тѣ моменты, которые и оказываютъ именно опредѣленное вліяніе; однимъ изъ моментовъ служатъ крупные торговые обороты, столкновеніе съ купеческимъ капиталомъ въ его наиболѣе выпуклой формѣ и т. п. Этотъ моментъ имѣетъ не для всѣхъ городскихъ жителей одинаковое значеніе уже потому, что не всѣ, по роду занятій, приходятъ съ нимъ въ одинаково частое соприкосновеніе. Артели баньщиковъ въ городахъ могутъ сохранять очень долго, быть можетъ, всегда типъ старыхъ артелей, а биржевыя, находясь подъ ближайшимъ вліяніемъ

купеческаго капитала, торговыхъ обычаевъ, вырождаются: склонность измѣнять въ управленіи патріархальныя черты, увеличивать число наемныхъ рабочихъ и т. п. получаетъ у нихъ наиболѣе сильную поддержку. Нѣтъ основанія утверждать, что биржевыя артели, по самому роду труда, должны вырождаться; но совокупность условій, при которыхъ онѣ живутъ, благопріятствуетъ вырожденію; а потому, познакомившись съ этими условіями на примѣрѣ артелей биржевыхъ, мы можемъ построить общее положеніе о вліяніи городской жизни [6]) и, слѣдя за исторіей развитія другихъ артелей, можемъ предсказать тѣ измѣненія, которыя имъ угрожаютъ.—Артели вымирающія имѣютъ *самый высокій* интересъ, какъ для теоретическихъ положеній, такъ и для практической дѣятельности Однимъ изъ важныхъ и теоріи, и практикѣ вопросовъ является вопросъ о томъ, *въ какихъ отрасляхъ промышленности можетъ съ успѣхомъ примѣняться артельная форма?* Какъ вездѣ положеніе, полученное путемъ дедукціи, нуждается въ провѣркѣ, такъ и въ данномъ случаѣ важно подкрѣпить выводъ фактами А если въ какой-либо отрасли промышленности факты даются только вымирающими артелями, то и необходимо со вниманіемъ остановиться на нихъ. Не трудно доказать, въ какой мѣрѣ эти вымирающія артели важны для соображеній практическихъ. Мы сходимся съ г. Сазоновымъ въ убѣжденіи, что необходимо поддерживать и дальше развивать артели, хотя и разнимся въ возрѣніи на способы, которыми всего лучше можетъ быть достигнута цѣль. А если такъ, то имѣемъ ли мы право пройдти съ закрытыми глазами мимо попытокъ, которыя уже были сдѣланы въ этомъ направленіи? Но должны ли мы анализировать эти попытки, объяснить

---

6) Мнѣніе, будто въ артели стариннаго типа нравственный уровень членовъ *всегда* стоитъ высоко, представляется мнѣ грубымъ заблужденіемъ: на Новой Землѣ—да, а среди рыбинскихъ крючниковъ, признаюсь, много отъявленныхъ негодяевъ. Нравственная высота артельщика обусловливается отнюдь не однимъ строемъ артели, но и многими иными причинами; городская жизнь занимаетъ въ ряду причинъ очень видное мѣсто.

причины успѣховъ и неудачъ, показать, насколько одни и другія были вызваны ошибочнымъ выборомъ отрасли промышленности или качествами участниковъ, руководителей? Выводъ ясенъ.—Не зная объ исторической измѣняемости учрежденій, о зависимости каждаго хозяйственнаго факта отъ многихъ другихъ, г. Сазоновъ пренебрегаетъ тѣмъ, что должно быть изучено; пріемъ его—не научный. Нужно ли мнѣ было расширить область изслѣдованія,—предоставляю судить серьезному читателю моей книги и приведенныхъ здѣсь разъясненій.

Г. Сазоновъ, оцѣнивая 10-ую главу моей книги, дѣлаетъ упрекъ, подобный только что разобранному мною. Недовольный, что я придаю слишкомъ большое значеніе артелямъ новымъ, искусственно насажденнымъ, рецензентъ говоритъ. «Авторъ—кабинетный ученый, не видавшій въ глаза ни одной артели, очень спѣшно изучившій вопросъ,—натолкнулся на огромную, легко-доступную литературу именно артелей новыхъ. . Все это, конечно, вмѣстѣ взятое должно было привести автора къ ошибочному, одностороннему взгляду на новыя артели, какъ на артели болѣе совершенныя, имѣющія будущность; онъ взялъ именно ихъ нормой артели и отсюда выводы, сдѣланные имъ, естественно стали ложны» (31).

Узнавъ изъ этой статьи, какъ мало времени нужно, по моему мнѣнію, для изученія записокъ академиковъ, г. Сазоновъ будетъ имѣть еще болѣе права упрекать меня въ «спѣшности» труда. Но, говоря о спѣшности работы, которой, будто бы, объясняется и непригодность многихъ моихъ выводовъ, рецензентъ забываетъ, что качество работы связано не съ однимъ количествомъ затраченныхъ на нее дней, мѣсяцевъ, лѣтъ, а, въ гораздо большей степени, съ индивидуальными особенностями человѣка. Правда, я работаю быстро; но тѣ заключенія, которыя онъ дѣлаетъ въ приведенной выпискѣ, совершенно ложны 1) Литература о новыхъ артеляхъ, если посчитать всѣ свѣдѣнія, разсѣянныя въ печати, дѣйствительно, «огромна»; она, какъ справедливо замѣтилъ рецензентъ, «легко-доступна», ибо свѣдѣнія содержатся въ небольшихъ книжкахъ и статьяхъ, а не тѣхъ

грузныхъ «фоліантахъ», которые приводятъ г. Сазонова въ священный ужасъ. Но эта литература, именно потому, что касается новыхъ артелей, и представляетъ особый интересъ. Не нужно много фактовъ для убѣжденія, что артели охотниковъ, рыбаковъ, плотниковъ и разныя другія, опирающіяся на обычай, легко слагаются, безъ труда упорядочиваютъ свой строй; что эти артели живучи и будутъ примѣняться до тѣхъ поръ, пока условія среды и общій типъ экономическаго оборота, ихъ окружающаго, не измѣнятся. Но каждая насажденная артель представляетъ большой интересъ и для лица, спеціально изучающаго эту форму общенія, и для всякаго, желающаго дать себѣ отчетъ въ движеніи общественной мысли извѣстной эпохи. Для послѣдняго эти факты важны потому, что показываютъ, куда направлялась дѣятельность многихъ представителей образованнаго класса; они убѣждаютъ, что, вопреки ребяческимъ требованіямъ г. Сазонова и его благопріятелей, русскіе люди съ 60-хъ гг. дѣлали и дѣлаютъ стремленія къ сближенію съ народомъ. Пусть большинство попытокъ, пусть всѣ онѣ были неудачны,—съ этого времени началось сплоченіе русскаго общества во едино, и движенія этого г. Сазонову не остановить. Но эти факты имѣютъ великую важность и при спеціальномъ изученіи артелей; показывая, какъ насаждались артели, они представляютъ предъ изслѣдователемъ надежды и разочарованія, умѣлые пріемы и ошибки; они даютъ право судить, что можетъ быть сдѣлано для артелей сторонними лицами и чего дѣлать не должно; словомъ, они позволяютъ или принять процессъ насажденія артелей или отвергнуть его. И сторонники, и противники этого процесса должны считаться съ нимъ. Вотъ почему я и обильно пользовался литературой о новыхъ артеляхъ. 2) Ложно положеніе роцензента, будто я считаю новыя артели нормой всѣхъ остальныхъ, считаю ихъ болѣе совершенными. Въ 10 главѣ нѣтъ и намековъ, которые давали бы право дѣлать такой выводъ. Если въ 10 главѣ сравниваются только наши новыя артели съ нѣмецкими и французскими, то лишь потому, что западная Европа не представляетъ учрежденій, подобныхъ русскимъ стариннымъ арте-

лямъ. Отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ новыя за типъ всегда нормальный. Невѣрно и то, будто я считаю новыя артели болѣе «совершенными», если для г. Сазонова это слово служитъ синонимомъ слова «лучшій». Я называю ихъ болѣе совершенными въ смыслѣ большей сложности ихъ строенія. Такъ какъ нѣкоторые промыслы нуждаются въ болѣе сложныхъ артеляхъ, то для этихъ промысловъ подобныя артели являются болѣе совершенными, въ смыслѣ лучшихъ, болѣе цѣлесообразными. Другіе промыслы не требуютъ отъ артелей сложной организаціи; для нихъ лучшими являются простѣйшія старинныя артели. —Такимъ образомъ, здѣсь г. Сазоновъ подтасовываетъ: онъ упрекаетъ меня въ стремленіи навязать всѣмъ промысламъ одинъ типъ артели, тогда какъ именно онъ и насилуетъ дѣйствительность.

Если эти замѣчанія г. Сазонова объясняются только невнимательнымъ прочтеніемъ 10-ой главы, то упрекъ въ противорѣчіи, сдѣланный мнѣ рецензентомъ на той же страницѣ, падаетъ самъ собой. Противорѣчіемъ будто бы признанному мною большему совершенству новыхъ артелей являются тѣ мѣста моей книги (стр. 269—70, 283—4 и др.), гдѣ я говорю о близости артелей къ вырожденію по мѣрѣ возвышенія имущественнаго уровня ихъ членовъ. Если бы я даже признавалъ артели новѣйшаго типа всегда наиболѣе пригодными, то и тогда здѣсь не было бы противорѣчія: новыя артели не потому клонятся къ вырожденію, что онѣ— «новыя»; вырожденіе объясняется очень многими причинами, вытекающими изъ обстановки, въ которой дѣйствуютъ артели. Разъ обстановка благопріятствуетъ искаженію артельнаго типа—и вырожденіе совершится неизбѣжно, какъ въ старой артели, такъ и въ новой; оно совершится потому, что огромное большинство людей выдвигаетъ на первый планъ эгоистическіе интересы, сильнѣйшій стремится эксплуатировать слабѣйшаго. Нѣтъ благопріятныхъ для вырожденія обстоятельствъ—и артель долго сохраняетъ свой чистый типъ. Такимъ образомъ, на выше указанныхъ страницахъ моей книги я только утверждаю фактъ вырожденія артелей и указываю на его причины.

На стр. 34 г. Сазоновъ возстаетъ противъ моей классификаціи артелей «Авторъ классифицируетъ артели по аналогіи ихъ съ товариществами—и, между тѣмъ, отрицаетъ соотвѣтствіе, аналогію древнихъ артелей съ товариществами. Стало быть та классификація негодна для нихъ, негодна для безчисленнаго множества чистыхъ народныхъ артелей, и годна только для полусотни новыхъ, извращенныхъ, а потому едвали она имѣетъ право на названіе классификаціи артелей».

Уже въ первомъ отвѣтѣ г. Сазонову я показалъ полное незнакомство его съ требованіями научной классификаціи. Что мои замѣчанія достигли цѣли, доказывается сравнительной скромностью, съ которой онъ здѣсь возражаетъ противъ установленной мною классификаціи. Тамъ онъ выступалъ очень храбро; здѣсь же говоритъ, что моя классификація «*едвали*» пригодна. Но, при всей скромности упрека, рецензентъ снова выдаетъ свое незнакомство съ началами логики. Отсутствіе въ западной Европѣ союзовъ, аналогичныхъ нашимъ древнимъ артелямъ, лишь въ томъ случаѣ дѣлало бы мою классификацію непригодной для всѣхъ артелей, если бы я принялъ за основаніе для дѣленія на группы такую черту внутренняго строя артели, которая встрѣчается въ однихъ союзахъ этой формы и совершенно неизвѣстна другимъ. Я же взялъ основаніемъ для классификаціи признакъ, необходимый въ каждой артели, каково бы ни было ея строеніе: этотъ признакъ—*цѣль союза*. По отношенію къ этому признаку всѣ артели, въ своихъ многочисленныхъ разновидностяхъ, представляютъ одно цѣлое. Цѣль связана съ какой-либо формой проявленія хозяйственной дѣятельности. Хозяйственные акты могутъ быть сведены къ 4 обширнымъ группамъ, исчерпывающимъ всѣ разнообразныя экономическія отношенія: промыселъ, кредитъ, потребленіе, страхованіе. Какова бы ни была артель—она *неизбѣжно* преслѣдуетъ одну изъ этихъ 4 хозяйственныхъ цѣлей. Классификація, покоющаяся на этомъ признакѣ, не только отличается большой простотой, но и строго научна. *Миллъ* (Логика, II, 260) говоритъ. «Наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣлямъ научной классификаціи, когда предметы сопо-

ставляются въ группы, относительно которыхъ можетъ быть построено большее число и болѣе важныхъ предложеній, чѣмъ относительно какихъ либо другихъ группъ, на которыя могли бы быть распредѣлены тѣ же самыя вещи». Моя классификація обладаетъ именно этимъ свойствомъ: дѣленіе артелей по цѣли «позволяетъ привести въ связь съ перечисленными классами и степень самостоятельности артелей, и естественность или искусственность образованія ихъ въ Россіи» (*Артели*, 26). А много ли можно найдти въ ученіи объ артеляхъ вопросовъ, равныхъ по важности вопросу о степени самостоятельности этихъ союзовъ? Моя классификація, помогая отвѣтить на этотъ вопросъ, облегчаетъ цѣлый рядъ заключеній объ особенности въ строѣ отдѣльныхъ артелей, отношеніяхъ ихъ къ капиталу и т. д.—Конечно, если бы г. Сазоновъ былъ знакомъ съ началами логики, то онъ не дѣлалъ бы столь нелѣпыхъ возраженій.

На стр. 34 и 35 рецензентъ пытается объяснить неуспѣхъ новыхъ насажденныхъ артелей иначе, чѣмъ я объясняю его Приводя мои слова о благопріятныхъ условіяхъ, поставленныхъ новосозданнымъ артелямъ земствами и другими учрежденіями, г. Сазоновъ говоритъ, что все, повидимому, обѣщало имъ преуспѣяніе, однако, артели рушились. «Изъ за чего же дѣло стало?—А дѣло стало изъ-за того, что кромѣ евангельскаго проповѣдника, къ сожалѣнію, еще приходится имѣть въ виду стадо, именуемое авторомъ «членами данной группы» (!).. «Гдѣ это видано и возможноли, чтобы какіе-то «члены данной группы» проникнулись возвышенными идеями?! Такъ оно и вышло на самомъ дѣлѣ. «Члены данной группы» такъ и остались стадомъ безсмысленнымъ, а самоотверженные, безкорыстные. гуманные проповѣдники—разочарованные—съ грустью отошли, сожалѣя, что они. носители великихъ идеаловъ, такъ несвоевременно рано произведены на свѣтъ. Гдѣ же разгадка этой печальной трагикомедіи? Попросимъ почтеннаго автора разъяснить намъ это»? На 35 и 36 страницахъ рецензентъ указываетъ на мои противорѣчія, проявляющіяся, будто-бы въ томъ, что я объясняю крушеніе новыхъ артелей неподготовленностью артельщиковъ, а также (стр. 303 и слѣд. моей кни-

ги) крупными ошибками, которыя сдѣлали насадители. Если были крупныя ошибки, то «причемъ же здѣсь полная неподготовленность», «отсутствіе самодѣятельности» и прочіе нелестные эпитеты, обращенные къ членамъ»? На стр. 37 г. Сазоновъ снова упрекаетъ меня въ непослѣдовательности. Онъ усматриваетъ ее въ томъ, что, признавъ крушеніе артелей неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ошибокъ, сдѣланныхъ при ихъ учрежденіи, я говорю дальше (стр. 305 *Артелей*) о возможности для артелей удержаться, если бы надъ ними былъ установленъ неослабно строгій надзоръ. Послѣднее ведетъ къ такому заключенію рецензента. «Не урядниками, не кулаками, хотя бы и интеллигентными, крѣпнутъ эти вопросы, къ вашему сожалѣнію, а принципами нравственными.... Хоть артель-то избавьте отъ урядниковъ» (37). Тутъ же г. Сазоновъ дѣлаетъ изъ моей книги выдержки, показывающія, что самый строй кустарной промышленности, недостатокъ сырья, давленіе скупщиковъ препятствовали развитію новыхъ артелей; выдержки эти, по его мнѣнію, побиваютъ выше приведенныя положенія. Указавъ на основаніи моихъ словъ (*Артели*, 268), какъ совершается въ артеляхъ подборъ членовъ, рецензентъ говоритъ: «И еслибъ иниціаторы—организаторы сознавали это положеніе, были проникнуты имъ, они бъ не насаждали искусственно, едва не насильственно, артелей.... Они бъ съ большимъ уваженіемъ отнеслись къ народу.... *они бы только стимулировали проявленіе артельнаго духа, способствовали бы его укрѣпленію, помогали бы ему всѣми силами и главнымъ образомъ деньгами*» (38).

Весь этотъ отрывокъ изъ рецензіи убѣждаетъ, насколько г. Сазоновъ не созрѣлъ для серьезнаго умственнаго труда и даже для внимательнаго прочтенія научнаго изслѣдованія. Мало того, онъ убѣждаетъ, что рецензентъ, опорожнивъ свой колчанъ, выпустивъ стрѣлы, которыя должны были умертвить меня, самъ того не замѣчая, становится на мою сторону. Чтобы отвести направленныя противъ меня обвиненія, нужно въ немногихъ словахъ воспроизвести 9 главу (замѣчу, что я придаю ей большое значеніе), которая и дала г. Сазонову матеріалъ для нападокъ.

9 ая глава (286—306) посвящена вопросу о томъ, въ какихъ отрасляхъ могутъ примѣняться промышленныя артели. Указавъ на легкую примѣнимость артельной формы въ занятіяхъ, не требующихъ капитала, и трудность ея примѣненія въ обширныхъ предпріятіяхъ, я разсматриваю, начиная со стр. 294, условія, препятствующія возникновенію артелей въ кустарной промышленности. Въ этой области было сдѣлано много попытокъ насажденія артелей, а потому я и останавливаюсь на оцѣнкѣ сдѣланныхъ попытокъ. Анализъ особенностей кустарной промышленности привелъ меня къ заключенію, что техника промысловъ не препятствуетъ артельному единенію; но организація сбыта издѣлій и пріобрѣтенія сырья, давленіе скупщиковъ служатъ неблагопріятными обстоятельствами, которыя дѣлаютъ кустарниковъ людьми не подготовленными, а часто и негодными для артельнаго общенія. Въ силу этого понятно, что люди, приступившіе къ насажденію артелей среди кустарей, должны были дѣйствовать съ величайшей осторожностью, какъ при выборѣ промысла и членовъ, такъ и при устроеніи новыхъ артелей. Неустанное руководство было необходимо, такъ какъ *въ этой области не проявлялось самобытнаго движенія къ образованію артелей.* Нельзя отрицать, что организаторы были полны желанія способствовать успѣху новаго дѣла; но они пекли артели, какъ блины, торопились—и исходъ былъ неудаченъ. Крупныя ошибки, сдѣланныя въ началѣ (выборъ падающаго гвоздарнаго промысла, быстрое привлеченіе слишкомъ многихъ участниковъ), могли быть парализованы только строгимъ надзоромъ, устраненіемъ всего, «что могло неблагопріятно дѣйствовать на развитіе союзовъ» (305). Конечно, не слѣдовало выбирать для устройства артелей гвоздарный промыселъ; но и въ немъ артели могли бы держаться довольно долго, такъ какъ и теперь машинное производство гвоздей не вытѣснило сполна ручнаго производства. Не слѣдовало набирать много участниковъ, но немедленное исключеніе негодныхъ, въ случаѣ нарушенія устава, могло бы исправить сдѣланную ошибку.—Предоставляю внимательному читателю самому отыскать противорѣчія въ этой главѣ. Возмущаясь тѣмъ,

что я называю первыхъ артельщиковъ «неподготовленными», г. Сазоновъ держится воззрѣнія, распространеннаго въ великую французскую революцію, когда принято было считать le peuple—bon, les magistrats—corruptibles. Что понятно въ эпохи великихъ общественныхъ движеній, то не должно имѣть мѣсто въ спокойномъ научномъ изслѣдованіи. Насколько артельщики-гвоздари были подготовлены къ новому дѣлу, доказываетъ доставленіе ими въ склады негодныхъ гвоздей, т. е. отсутствіе элементарной честности. Вотъ слова тверскаго статистика г. Покровскаго, котораго даже и г. Сазоновъ не упрекнетъ въ недостаткѣ народолюбія. «Недобросовѣстные гвоздари (а такихъ было не мало въ артели), обрадованные возможностью получить заимообразно отъ земской управы нѣсколько денегъ, взамѣнъ ихъ доставляли въ артельный складъ негодные гвозди» [7]). Быть можетъ, мой рецензентъ припишетъ и недобросовѣстность гвоздарей организаторамъ; я же, называя вещи настоящимъ именемъ, скажу, что эти артельщики были «неподготовлены» и «негодны».

Но въ длинной, направленной противъ меня тирадѣ г. Сазонова особенно любопытны заключительныя, напечатанныя курсивомъ слова. Организаторы, по его мнѣнію, должны «стимулировать проявленіе артельнаго духа, способствовать его укрѣпленію ...» Если слова эти не продиктованы недогадливымъ пріятелемъ, то я въ правѣ усмотрѣть здѣсь проблескъ lucidi intervalli, заставившаго г. Сазонова измѣнить самому себѣ. То онъ признаетъ всякое руководство артелями насиліемъ, враждуетъ съ руководителями, какъ съ урядниками, то призываетъ интеллигенцію «стимулировать и укрѣплять артельный духъ». Г. Сазоновъ, къ чести его будь сказано, непослѣдователенъ, и, благодаря непослѣдовательности, хотя здѣсь, на небольшомъ пространствѣ обширной рецензіи, уступаетъ здравому смыслу.

Не менѣе ретиво и не болѣе удачно ратуетъ рецензентъ противъ моихъ положеній о наемномъ трудѣ въ ар-

---

7) Труды коммис. по изслѣд. кустарн. промышл. V, 398.

теляхъ. Мои слова, «неизвѣстны случаи, гдѣ бы артель, по принципу, не допускала у себя наемнаго труда» вызываютъ негодованіе г. Сазонова. «Если считать за принципъ, говоритъ онъ, только то, что написано на бумагѣ, занесено въ уставъ,—авторъ пожалуй правъ: въ уставѣ этотъ принципъ не занесенъ. Но ему, конечно, извѣстно, что въ огромномъ большинствѣ артелей чисто-народныхъ никакихъ уставовъ, ни правилъ нѣтъ, а все крѣпнетъ, и крѣпнетъ болѣе крѣпко, на обычаѣ не писанномъ, не печатномъ. И этотъ обычай очень часто запрещаетъ артели эксплоатировать наемныхъ рабочихъ». Утверждая, что множество артелей не нанимаетъ рабочихъ, г. Сазоновъ продолжаетъ. «Напримѣръ, многія рыболовныя артели человѣкъ въ 15—20 и болѣе не пользуются наемнымъ трудомъ. А вѣдь могли бы вмѣсто 20 сойтись въ артели 10 членовъ и эксплоатировать 10 рабочихъ. Иногда такъ и бываетъ» (39). На стр. 40 г. Сазоновъ возстаетъ противъ вывода, «что народъ примиряется съ фактомъ найма рабочихъ въ понятіи объ артели, т е. считаетъ нравственною эксплуатацію сильнымъ слабаго»; утверждать «это слишкомъ смѣло». Въ подкрѣпленіе своей мысли рецензентъ приводитъ (стр. 42 и 43) народные разсказы о безсердечныхъ богачахъ. Какъ преслѣдуетъ народъ богачей-эксплуататоровъ, видно изъ того, что онъ называетъ «этихъ выродковъ своихъ каштанами, мироѣдами, обиралами» и вмѣстѣ съ тѣмъ окружаетъ «уваженіемъ, любовью человѣка «мірскаго», общественнаго, стоящаго за интересы общіе, за міръ». Выписывая (стр. 41—2) мои слова, что у средняго человѣка не можетъ сложиться принципъ не нанимать рабочихъ (*Артели*, 281), онъ говоритъ: принциповъ «у *мужика*, конечно, нѣтъ, но въ немъ есть нѣчто иное, быть можетъ, болѣе цѣнное Это *нѣчто*—извѣстный складъ ума, общественныя привычки, человѣчные инстинкты». «Къ счастію для человѣчества, умъ, чувство, нравственныя качества пріобрѣтаются людьми не посредствомъ университетскихъ дипломовъ, хотя бы даже докторскихъ,—особенно нравственныя качества».

Эти размышленія содержатъ profession de foi моего рецензента. Находя въ *народѣ* нѣчто болѣе цѣнное, неже ли

принципы, г. Сазоновъ отправляется отъ положенія, что народъ—все, а интеллигенція ничего не стоитъ. Въ данномъ случаѣ рецензентъ стоитъ не особнякомъ: въ современной русской литературѣ рѣзко обозначается направленіе, бичующее интеллигенцію и не скупящееся на похвалы сѣрому русскому мужику. Убѣжденный, что послѣдній имѣетъ много достойныхъ качествъ, я не могу, однако, не упрекнуть всѣхъ сторонниковъ этого направленія, а г. Сазонова par excellence въ полномъ незнакомствѣ съ исторіей развитія человѣчества. Каждая новая побѣда въ области знанія и неразрывно связанныхъ съ нимъ нравственныхъ качествахъ исходитъ отъ отдѣльныхъ лицъ и лишь медленно распространяется въ массахъ. Я не буду говорить объ изобрѣтеніяхъ въ области техники, о новыхъ завоеваніяхъ во всѣхъ отрасляхъ научной мысли—это не нужно доказывать и г. Сазонову. Но и въ дѣлѣ возвышенія гуманности подмѣчается совершенно подобный процессъ: смягченіе нравовъ, внесеніе въ область господства себялюбія принципа дружелюбія исходитъ отъ отдѣльныхъ лицъ и постепенно распространяется въ массахъ. Творцы религій были въ то же время и наиболѣе могущественными носителями начала гуманности; благодаря ихъ послѣдователямъ, это начало пускало все болѣе глубокіе корни и смягчало нравы массы [8]). Въ то время какъ жестокія наказанія вполнѣ соотвѣтствовали міровоззрѣнію Европы, Беккаріа пролагаетъ путь гуманности въ области уголовнаго права, и законодательства слѣдуютъ новому направленію. Что законодатель гуманнѣе массы,—доказывается имѣвшей нѣсколько лѣтъ назадъ мѣсто въ Москвѣ расправой мясниковъ Охотнаго ряда: ужь конечно, лица, бывшія предметомъ этой расправы, потерпѣли бы отъ мясниковъ болѣе жестокое обращеніе, чѣмъ тѣ кары, которыя имъ назначались государствомъ.—Кто отрицаетъ вліяніе интеллигенціи на массу, тотъ или не знаетъ исто-

---

8) Такое же вліяніе па своихъ послѣдователей оказываютъ и творцы многочисленныхъ сектъ.

ріи культуры человѣчества или намѣренно проходитъ мимо нея съ закрытыми глазами.

Область хозяйства даетъ намъ примѣры, подобные тѣмъ, которые представляютъ и другія стороны общежитія. Право частной собственности, развиваясь и упрочиваясь въ теченіе столѣтій, признается священнымъ и неприкосновеннымъ. Наука возводитъ на пьедесталъ начало эгоизма, отожествляетъ интересы личный и общественный и даетъ свою санкцію формальной свободѣ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, подъ личиной которой скрывается несвобода большинства. Побужденія, вытекающія изъ религіознаго міросозерцанія, заставляютъ церковныхъ писателей враждовать съ эгоизмомъ въ хозяйствѣ: они ратуютъ противъ ростовщиковъ, склоняютъ богатыхъ къ дѣламъ милосердія. Этотъ протестъ исходитъ изъ чувства и стремится воздѣйствовать на него же. Въ 19 вѣкѣ протестъ этотъ получаетъ научное обоснованіе, что и составляетъ важную заслугу лучшихъ соціалистовъ. Начала современной хозяйственной жизни не удовлетворяютъ ихъ; но, не ограничиваясь осужденіемъ новаго экономическаго быта, они выдвигаютъ начало дружелюбія и требуютъ строгаго проведенія его въ области хозяйства. Съ точки зрѣнія нынѣ господствующаго частнаго права наемный трудъ есть явленіе вполнѣ нормальное, необходимое. Отправляясь отъ инаго строя права собственности, Бюшезъ, Луи Бланъ и ихъ послѣдователи отрицаютъ наемный трудъ и принципіально не даютъ ему мѣста въ новомъ хозяйственномъ оборотѣ. Требованія, поставленныя этими мыслителями, настолько расходятся съ нынѣ господствующимъ порядкомъ, съ привычками думать и дѣйствовать, что принципъ только урывками проникаетъ въ жизнь: огромное большинство, пытаясь провести его, отступаетъ и возвращается въ проторенную колею. Съ другой стороны, тотъ же принципъ доводится умственно ограниченными представителями соціализма до полнаго отрицанія исторіи, науки, послѣдовательности въ прогрессѣ человѣчества. Но если этотъ принципъ далеко опередилъ свое время, то онъ нашелъ и находитъ отголоски даже въ тѣхъ отдѣльныхъ лицахъ и слояхъ, которые отрицаютъ всякую связь съ соціализмомъ: принципъ

этотъ несомнѣнно оказалъ вліяніе на Шульце-Делича [9]), который, хотя очень скромно, проводитъ его въ своихъ производительныхъ артеляхъ; онъ повліялъ и на дѣятелей тверскаго земства, не допускавшихъ наемнаго труда въ артеляхъ гвоздарей, и т. д. Поэтому, отрицаніе наемнаго труда, опирающееся на убѣжденіе, что онъ не только родитъ несвободу большинства, но и препятствуетъ хозяйству достигнуть наибольшей производительности, есть, въ своемъ научномъ обоснованіи, принципъ новый; только въ далекомъ будущемъ предстоитъ ему войдти въ сознаніе массы.

Нашъ народъ, благодаря господству общиннаго строя, имѣетъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Сазоновъ, многія общественныя привычки: тѣсная связь между членами общины порождаетъ склонность ко взаимной поддержкѣ въ разныхъ случаяхъ жизни; связь эта, между прочимъ, облегчаетъ и образованіе артелей. Многія изъ послѣднихъ, вѣроятно, большинство, какъ я замѣтилъ въ моей книгѣ (*Артели*, 179), не пользуются наемнымъ трудомъ въ силу особенностей промысла или имущественной обстановки членовъ. Но гдѣ факты, доказывающіе, что артель *по принципу*, какъ я выше опредѣлилъ его, не нанимаетъ рабочихъ? Замѣчаніе рецензента о рыболовныхъ артеляхъ изъ 20 членовъ не доказываетъ ровно ничего: вѣроятно, такое значительное число участниковъ и отсутствіе наемнаго труда объясняется какими-либо особенностями обстановки, въ которой дѣйствуютъ эти артели. Приведенный г. Сазоновымъ фактъ тѣмъ менѣе убѣдителенъ, что самъ рецензентъ спѣшитъ оговориться: иногда, замѣчаетъ онъ, въ такихъ артеляхъ встрѣчаются наемные рабочіе. Неубѣдительна и ссылка на трогательные народные разсказы, въ которыхъ бичуются жестокосердые богачи: эти разсказы слагаются массой народа, а масса—такъ было, такъ есть и до сихъ поръ—служитъ предметомъ эксплуатаціи; понятно, что она въ былинахъ, пѣсняхъ, сказкахъ и изливаетъ на эксплуатато-

---

9) Schulze-Delitzsch. Die arbeitend. Klassen. 2 Aufl. 1863, 58 стр. *Его же.* Die Genossenschaften, 1873, 293.

ровъ свое негодованіе. Неубѣдительны бранныя названія для эксплуататоровъ, ибо они—такого же происхожденія. Для доказательства своего положенія, г Сазоновъ долженъ былъ бы идти инымъ путемъ: онъ долженъ былъ бы показать, что убѣжденіе въ ненормальности пользованія чужимъ трудомъ упрочилось въ міросозерцаніи народа, что лица, выходящія изъ народа, проводятъ это убѣжденіе въ жизни даже тогда, когда они имѣютъ полную возможность эксплуатировать слабѣйшихъ. Несомнѣнно, въ народѣ найдутся отдѣльныя лица, держащіяся такого убѣжденія. Но въ массѣ, а она то и должна быть принимаема въ разсчетъ, подобнаго убѣжденія нѣтъ и быть не можетъ. Такой выводъ дѣлаемъ мы прежде всего дедуктивно. Себялюбіе является для огромнаго большинства столь могущественной двигательной силой, что это большинство въ своей хозяйственной дѣятельности стремится къ наибольшему обогащенію, и посредствомъ приложенія собственныхъ силъ, и чрезъ пользованіе наемнымъ трудомъ Ежедневный опытъ дастъ случай провѣрить наши выводы: онъ убѣждаетъ, что человѣкъ, будучи предметомъ эксплуатаціи, ненавидитъ ее; но, коль скоро условія его хозяйственной жизни улучшились, самъ становится эксплуататоромъ. Вокругъ предпринимателя сосредоточиваются сотни и тысячи рабочихъ; въ весьма многихъ случаяхъ они относятся къ своему хозяину непріязненно; но разъ кому-либо изъ этихъ сотенъ или тысячъ удалось достигнуть хозяйственной самостоятельности, онъ усвоиваетъ всѣ отличительныя черты предпринимателя. Кустарная промышленность дышетъ воздухомъ деревни. Мнѣніе г. Сазонова можетъ быть всего лучше провѣрено на фактахъ, которые даютъ намъ кустарные промыслы. Относись народъ къ наемному труду принципіально отрицательно,—мы нашли бы въ этой области наиболѣе доказательствъ. А между тѣмъ, кустарникъ, поселянинъ нанимаетъ рабочихъ, коль скоро допускаетъ это его экономическая обстановка.—Принципіальное отрицаніе наемнаго труда, гдѣ оно не вытекаетъ изъ религіозныхъ побужденій (какъ, напр., у многихъ сектантовъ, стремящихся достигнуть экономическаго равенства), предполагаетъ высокій уровень духовнаго развитія. Принципъ этотъ про-

тиворѣчитъ современному общественному строю; осуществленіе его принадлежитъ будущему. Ссылка на «складъ ума» народа, на «нѣчто», болѣе цѣнное, чѣмъ принципъ, не въ силахъ опровергнуть это положеніе.

На стр 43 рецензентъ удивляется моему замѣчанію (*Артели*, 285), что артель перестаетъ быть артелью, когда примѣненіе артельнаго труда достигаетъ въ ней извѣстныхъ размѣровъ. «Должно сказать, пишетъ г. Сазоновъ, что не я одинъ смутился, прочитавъ это мѣсто. Дѣло состоитъ въ томъ, что если наемные рабочіе являются составною частью артели, то артель не будетъ союзомъ равноправныхъ лицъ, какъ гласитъ основное опредѣленіе г. Исаева; если же рабочіе—посторонній элементъ для артели, то почему же отъ увеличенія числа наемныхъ рабочихъ артель дѣлается не артелью? Да и вообще изъ словъ автора логически получается крайне странный выводъ, что при извѣстномъ количествѣ наемныхъ рабочихъ въ артели г. Исаевъ скажетъ намъ, что это вовсе не артель, хотя бы данный союзъ и вполнѣ подходилъ подъ опредѣленіе артели, сдѣланное г Исаевымъ».

Г. Сазоновъ и К° были приведены въ смущеніе слѣдующими словами моей книги. «И здѣсь, какъ во многихъ другихъ рядахъ хозяйственныхъ явленій, различія количественныя ведутъ и къ качественнымъ различіямъ» (285). Смущеніе объясняется незнакомствомъ съ начальными положеніями политической экономіи —Ремесленникъ, орудія котораго стоютъ 3 рубля, *имѣетъ капиталъ*, но капиталъ этотъ *ничтоженъ*, а потому у владѣльца его нѣтъ отличительныхъ свойствъ класса капиталистовъ. Онъ пріобрѣтетъ эти свойства, т. е. станетъ *качественно* въ иное общественное положеніе лишь тогда, когда капиталъ его достигнетъ извѣстной высоты, т е. когда явится *количественное различіе*. Собственникъ пары десятинъ земли, воздѣлывающій ихъ своими руками, получаетъ ренту; но эта рента столь ничтожна, что мы не ставимъ владѣльца ея въ ряды представителей класса, живущаго рентой и имѣющаго свои специфическіе интересы. Только количественное измѣненіе въ размѣрахъ землевладѣнія и высотѣ ренты дастъ намъ

право помѣстить въ названный классъ и это лицо Артель, занимающая немного рабочихъ, по своему существу не измѣняется: при незначительномъ пользованіи наемнымъ трудомъ, артельщики въ потѣ лица добываютъ хлѣбъ свой; ихъ общественное положеніе остается безъ перемѣны. Когда же артель нанимаетъ много рабочихъ,—члены освобождаютъ себя отъ труда, приближаются по имущественному уровню и привычкамъ къ капиталистамъ, и артель, оставаясь таковой по формѣ, по содержанію стремится стать *не артелью*.—Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы такія элементарныя положенія требовали поясненій.

Различіе между капиталистическими предпріятіями и артелью, утверждаетъ г. Сазоновъ, проведено у меня не довольно выпукло, и въ результатѣ является путаница Изъ моего опредѣленія (*Артели*, 18), что члены артели участвуютъ въ общихъ трудахъ, рецензентъ дѣлаетъ тотъ «логическій выводъ.. .., что компанія изъ четырехъ—пяти желѣзнодорожныхъ концессіонеровъ, если они, не ограничиваясь, только полученіемъ концессіи, всѣ будутъ «содѣйствовать личными силами успѣху общаго дѣла», будетъ, по мнѣнію доктора, промышленная артель, противополагаемая имъ капиталистической формѣ предпріятій?!» «Хороша также некапиталистическая артель содержателей трактира съ оборотомъ въ полтора милліона» (44)

Отстаивая сдѣланное мною опредѣленіе артели, я вовсе не склоненъ считать его безупречнымъ; напротивъ, я вполнѣ убѣжденъ, что, при дальнѣйшей работѣ надъ этимъ вопросомъ, явится возможность установить и лучшее опредѣленіе. Точное опредѣленіе группъ общественныхъ явленій потому представляетъ большія трудности, что группы не раздѣляются рѣзко замѣтными чертами; одна постепенно переходитъ въ другую, и различныя группы имѣютъ много общихъ признаковъ. То же можно примѣнить и къ формамъ предпріятій. Но, при всѣхъ недостаткахъ, которые могли бы оказаться въ моемъ опредѣленіи, замѣчаніе г. Сазонова представляется несообразнымъ: онъ выхватываетъ одинъ признакъ артели, распространяетъ его на группу желѣзнодорожныхъ концессіонеровъ и называетъ ее артелью. При-

мѣръ былъ бы удаченъ, если бы рецензентъ отыскалъ группу концессіонеровъ, имѣющую *всѣ свойства, которыя я призналъ отличительными признаками артели;* а такую группу, можно смѣло ручаться, онъ найдетъ только въ своемъ воображеніи —Удивленіе его, что можно считать артелью предпріятіе съ оборотомъ въ полтора милліона, стоитъ въ противорѣчіи съ его же положеніемъ о возможности для артелей строить желѣзныя дороги. Ужь, конечно, подобныя артели будутъ дѣлать не полуторамилліонные, а гораздо болѣе крупные обороты. Личныя сношенія съ содержателями трактира въ Москвѣ убѣдили меня, что ихъ предпріятіе имѣетъ всѣ важнѣйшіе признаки артели; между прочимъ, члены, въ качествѣ половыхъ, трудятся, какъ и половые другихъ заведеній. Поэтому, я имѣлъ полное основаніе помѣстить это предпріятіе въ ряды артелей.

Не менѣе односторонне возражаетъ г. Сазоновъ противъ моего положенія, что «доли членовъ въ доходѣ пропорціональны выполненнымъ ими обязанностямъ въ хозяйственной жизни союза» (*Артели*, 221). То же, по мнѣнію рецензента, можно сказать и о любомъ капиталистическомъ предпріятіи. гдѣ «сообразно участію лицъ въ производствѣ трудомъ или капиталомъ, и самый доходъ отъ предпріятія распредѣляется пропорціонально выполненнымъ ими хозяйственнымъ обязанностямъ: одни получаютъ заработную плату, другіе—прибыль на капиталъ, третьи, наконецъ, прибыль и заработную плату, если участвовали трудомъ и капиталомъ» (45).

Правда, относительно распредѣленія дохода можно подмѣтить сходство между артелями и предпріятіями другихъ формъ; но есть и существенныя различія, которыя, какъ показываетъ выписка изъ рецензіи, упущены г. Сазоновымъ изъ вида. Въ артели всѣ члены участвуютъ трудомъ, а потому прибыль и заработная плата поступаютъ въ однѣ и тѣ же руки. Въ предпріятіяхъ же капиталистическихъ заработная плата поступаетъ наемникамъ, связаннымъ съ предпріятіемъ чисто внѣшнимъ образомъ, не участвующимъ въ управленіи и т. п. Поэтому, справедливо замѣчая о распредѣленіи дохода и въ другихъ предпріятіяхъ «сообразно

участію лицъ въ производствѣ», рецензентъ забываетъ, что въ артеляхъ личный составъ получающихъ заработную плату и прибыль совсѣмъ иной, нежели въ капиталистическихъ предпріятіяхъ.

Оцѣнивая мое положеніе, что безпроцентныя ссуды артелямъ не могутъ быть одобрены (*Артели*, 332), г. Сазоновъ говоритъ. «Эти «подарки», какъ извѣстно, не вызываютъ «небрежнаго отношенія къ дѣлу у капиталистовъ»; почему же такое отношеніе будетъ у «неимущихъ группъ»?» (45).

Рецензентъ вырвалъ изъ моей книги нѣсколько словъ, поставилъ ихъ въ ковычки и уснастилъ такими замѣчаніями, которыя должны убѣдить читателя, что я одобряю льготы, оказываемыя капиталистамъ, и отрицаю ихъ полезность для артелей Не знаю, что побудило г. Сазонова приписывать мнѣ подобное воззрѣніе: ни въ этой книгѣ, ни въ другихъ моихъ трудахъ я не высказывался въ пользу льготъ капиталистамъ; еслибы спросили объ этомъ моего мнѣнія,— я бы осудилъ льготы въ огромномъ большинствѣ случаевъ и оправдалъ бы ихъ только тогда, когда дарованіе ихъ вызывается важными политическими соображеніями. Но и въ послѣднемъ случаѣ я бы осудилъ безпроцентныя ссуды. Здѣсь мнѣ приписывается воззрѣніе, прямо противорѣчащее моему міросозерцанію.

Порицая мое требованіе, что насаждаемыя артели должны быть пріучаемы къ самоуправленію, рецензентъ говоритъ. «Если подумаешь, да пособразишь о всѣхъ этихъ— «не сразу», «подготовка», «руководство каждой новой артелью», то пожалуй, откажешься отъ «желанной цѣли» (45).

Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ рецензіи, г. Сазоновъ прибѣгаетъ къ фельетонному пріему вырыванія отдѣльныхъ словъ и произноситъ приговоръ надъ рядомъ выводовъ, изложенныхъ на нѣсколькихъ страницахъ Пріемъ этотъ никого не убѣдитъ въ ложности моихъ воззрѣній. Что г. Сазоновъ возстаетъ противъ руководства артелями, это понятно: оно вытекаетъ изъ его фанатическаго отношенія къ простолюдину, вмѣстилищу всѣхъ добродѣтелей, всег-

да способному къ успѣшной дѣятельности, какъ бы ни было дѣло ново и необычно. Въ отвѣтъ на это приходится снова сослаться на исторію, которая, быть можетъ, хотя немного умалитъ фанатизмъ рецензента.

На стр. 46 г. Сазоновъ говоритъ: «На диспутѣ проф. Вреденъ энергично и убѣдительно доказывалъ автору возможность артели и въ самыхъ крупныхъ предпріятіяхъ, напр., въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ». По этому поводу рецензентъ замѣчаетъ. «Во главѣ многихъ и многихъ милліонныхъ производствъ стоятъ или полуграмотные Китъ Китычи, или счастливые карманомъ, но несчастные головой ихъ наслѣдники. А дѣло идетъ заведеннымъ способомъ при извѣстныхъ условіяхъ. Необходимыя же знанія, умѣнье, вообще умственный трудъ—вещь продажная, она покупается купцами, *можетъ быть куплена и артелью*. А затѣмъ значительное преимущество артели въ томъ, что среди многихъ членовъ ея, равно заинтересованныхъ дѣломъ, всегда найдется разумная, дѣльная, талантливая голова, искренно, честно преданная дѣлу, которая и послужитъ дѣлу. Счастливыя же наслѣдства рѣдко совпадаютъ съ счастливыми способностями» (46).

Напрасно рецензентъ ссылается на проф. Вредена: послѣдній не говорилъ на диспутѣ того, что ему приписываетъ г. Сазоновъ. Въ «Курсѣ» же (2 изд. 1880, 158) проф. Вредена читаемъ: «предпріятія съ большимъ рискомъ и сильною отвѣтственностью не допускаютъ артельнаго строя.» Такимъ образомъ, мы имѣемъ еще одну подтасовку. Но я удержусь отъ рѣшительнаго возраженія противъ примѣнимости артели и въ самыхъ обширныхъ предпріятіяхъ, среди нихъ и въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Очень радъ былъ бы на этотъ разъ ошибаться и видѣть г. Сазонова правымъ. Я не вполнѣ убѣжденъ, что артели не примѣнимы въ самыхъ обширныхъ предпріятіяхъ; но считаю успѣхъ артелей въ этихъ отрасляхъ, благодаря огромнымъ препятствіямъ, мало вѣроятнымъ. Наиболѣе труднымъ представляется мнѣ соединеніе въ артель *многихъ тысячъ лицъ* для образованія огромнаго капитала, необходимаго въ желѣзнодорожномъ предпріятіи. Трудность еще болѣе возрастаетъ отъ соперничества отдѣльныхъ капиталистовъ и

компаній, которые уже обладаютъ всѣми данными для основанія и веденія обширныхъ оборотовъ. Конечно, измѣнись строй права частной собственности, поставь себѣ государство цѣлью энергически содѣйствовать развитію артельнаго начала,—и многія препятствія исчезнутъ: область примѣненія артельной формы будетъ все болѣе расширяться; въ эту область войдутъ и многія предпріятія, донынѣ незнакомыя съ артелью.

III. Третью и послѣднюю группу образуютъ тѣ возраженія г. Сазонова, которымъ и онъ самъ придаетъ, повидимому, второстепенное значеніе.

Онъ упрекаетъ меня въ небрежности. Говоря объ артеляхъ разносчиковъ газетъ въ Петербургѣ (*Артели*, 188), я не совсѣмъ точно передалъ слова изъ одной статьи г. Сазонова, въ чемъ и прошу у автора извиненія.

Ариѳметическій разсчетъ о заработкахъ биржевыхъ артелей (*Артели*, 253) «сдѣланъ, по мнѣнію рецензента, такъ сбивчиво и не ясно, что трудно понять его» (29). Внимательное прочтеніе прим. 3 на стр. 253 моей книги убѣдитъ каждаго, что разсчетъ сдѣланъ и вѣрно, и вполнѣ понятно

Наконецъ, г. Сазоновъ справедливо замѣчаетъ, что въ моей 7-ой главѣ опущены нѣкоторыя законоположенія объ артеляхъ Я бы поблагодарилъ его, если бы онъ самъ отыскалъ эти опущенія; но онъ говоритъ со словъ доцента Малышева, который высказалъ это замѣчаніе на диспутѣ. Самъ г. Сазоновъ, конечно, не знаетъ, какія законоположенія опущены; и здѣсь, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ рецензіи, онъ не называетъ источника, откуда почерпнулъ свое возраженіе.

Далѣе (стр. 30), онъ нападаетъ на «утрированный оптимизмъ, ликующее настроеніе, возвышенный слогъ». Ему не нравится, что я назвалъ докладъ г. Яковлева и агитацію Лассаля «блестящими»; онъ не любитъ эпитетовъ, которые я даю книгѣ проф. Пахмана («Обычное право»), называя главу объ артеляхъ «стройной и изящной». «Главное, замѣчаетъ рецензентъ,—стройный порядокъ и изящная форма, а остальное—пустяки» (30).

Эти замѣчанія даютъ мнѣ, пожалуй, право сказать г. Сазонову, что ему нужно съ большой осторожностью говорить о чьемъ-либо слогѣ: я вспоминаю тѣ мѣста его статей, гдѣ онъ уподобляетъ пренебреженіе артелями со стороны русской науки—распятію Христа, вспоминаю разныя непозволительныя гиперболы, доказывающія, что онъ еще не научился владѣть литературнымъ языкомъ. Но, конечно, онъ отвѣтитъ мнѣ, что ему болѣе, нежели мнѣ простительно не умѣть выражать свои мысли, что его гиперболы не оправдываютъ моего «возвышеннаго слога». Предвидя такой отвѣтъ, я избираю иной путь для объясненій. Бюффонъ сказалъ: le style c'est l'homme, т. е. на слогѣ отражается индивидуальность человѣка. Произведенія В. Гюго блещутъ образами; слогъ графа Толстаго и И. С. Тургенева отличается инымъ характеромъ. Картинности языка, обилію метафоръ у Маколея и Тэна я противопоставляю строгое спокойствіе Тьерри и Моммсена. Въ экономической наукѣ по одну сторону стоятъ Рикардо, Милль, по другую—Лассаль, Кэри. Какъ бы ни были скромны дарованія человѣка, онъ вноситъ въ слогъ свою индивидуальность; а потому, слогъ можетъ лишь тогда служить предметомъ нападокъ, когда онъ изобилуетъ неестественными метафорами, крайними гиперболами, отличается неточностью, какъ, напр., языкъ г. Сазонова Смѣшно слышать возраженіе противъ эпитета «блестящій». Кто знакомъ съ агитаціей Лассаля, тотъ назоветъ ее «блестящей». Съ полнымъ правомъ можно дать этотъ эпитетъ и докладу г. Яковлева. Но назови я «блестящей» какую-либо статью г. Сазонова, я бы, конечно, вызвалъ насмѣшливую улыбку всѣхъ читателей.

Что сказано относительно слога, то же слѣдуетъ сказать и объ окраскѣ міровоззрѣнія человѣка, оптимизмѣ и пессимизмѣ Хорошее здоровье, отсутствіе матеріальной нужды, тяжелыхъ потерь благопріятствуютъ развитію оптимизма; условія противоположныя порождаютъ пессимизмъ. Окраска міровоззрѣнія такъ неразрывно связана со всѣми условіями жизни человѣка, что нелѣпо обвинять въ оптимизмѣ, поскольку онъ побуждаетъ человѣка вѣрить въ лучшее будущее. Я вѣрю, и эта вѣра придаетъ мнѣ бодрость въ

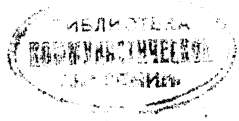
работѣ Оптимизмъ заслуживаетъ порицанія лишь тогда, когда онъ дѣлаетъ человѣка слѣпымъ, заставляетъ его видѣть и черное въ розовомъ свѣтѣ, но такой оптимистической окраски ни г. Сазоновъ, ни кто другой не найдутъ въ моихъ трудахъ. Оптимизмъ послѣдняго рода г. Сазоновъ усматриваетъ въ слѣдующихъ словахъ моихъ. «Но если это и *многое другое* и съуживаетъ самоуправленіе артели, говорю я по поводу ограниченія артели дрягилей таможеннымъ вѣдомствомъ, то съ такимъ съуженіемъ нужно примириться въ виду обязанности государства ограждать свои интересы» (*Артели*, 249) Рецензентъ упрекаетъ меня, почему я не задаюсь вопросомъ, нужно ли это.—Дѣло настолько просто, что развѣ г. Сазоновъ нуждается въ поясненіи: дрягили соприкасаются съ таможенными интересами; вѣдѣніе таможенныхъ налоговъ, какъ и всѣхъ другихъ, есть дѣло государства (или единицъ самоуправленія), а потому оно и не можетъ допустить въ этой области полной свободы частныхъ лицъ, будь то артель или союзъ иной формы. Отсюда—необходимость регулированія государствомъ артели дрягилей. Въ другомъ мѣстѣ рецензентъ находитъ еще болѣе вѣское доказательство моего непростительнаго оптимизма. Говоря о злоупотребленіяхъ сотскихъ въ артели лоцмановъ на Свири, злоупотребленіяхъ, бывшихъ извѣстными администраціи, я высказываю въ примѣчаніи надежду, что эти злоупотребленія устранены. «Это «мы успокоиваемъ себя надеждой»—въ своемъ родѣ перлъ» (30), иронизируетъ г. Сазоновъ.—Не зная исторіи культуры человѣчества, г. Сазоновъ естественно, не понимаетъ и роли государства: онъ смотритъ на государство, какъ на представителя враждебныхъ народу интересовъ; отсюда, ему и непонятна выраженная мною надежда. Человѣкъ науки не можетъ относиться къ государству съ такимъ недовѣріемъ: въ государствѣ онъ видитъ высшаго выразителя общественныхъ интересовъ; онъ знаетъ, что органы государства не рѣдко злоупотребляютъ своимъ положеніемъ, давятъ слабыхъ вмѣсто того, чтобы охранять ихъ; но онъ не можетъ считать эти злоупотребленія нормальными. Совершаются они нынче,—онъ не теряетъ надежды, что завтра они будутъ устранены. Поэтому, я и не

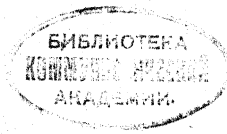
хочу думать, чтобы администрація, допуская злоупотребленія въ артели лоцмановъ, навсегда освоилась съ ними, какъ съ явленіемъ обычнымъ Замѣчаніе г Сазонова ясно показываетъ, какъ мало даетъ онъ себѣ отчета въ гармоніи между общественными явленіями. Онъ призываетъ государство къ содѣйствію артелямъ и въ то же время возмущается выраженной мною надеждой, что администрація прекратитъ злоупотребленія. Если его негодованіе основательно, то можно ли ожидать отъ государства плодотворной дѣятельности на пользу артелей? Такая дѣятельность, кромѣ многаго другаго, требуетъ и честности въ органахъ администраціи.

Приведу, наконецъ, отрывокъ изъ рецензіи, доказывающій, что кромѣ глубокаго невѣжества, фанатизма и склонности выдавать чужое за свое, г. Сазоновъ отличается и крайней недобросовѣстностью. «Послѣ всего этого, говоритъ онъ, не стоитъ останавливаться на вопросѣ, насколько удовлетворительно излагаетъ авторъ строй артели. Перелистайте хотя страницы...., гдѣ излагается строй артели, и у васъ запестритъ въ глазахъ отъ массы ссылокъ на Немирова и «Постановленія»; онѣ приводятся въ подавляющихъ размѣрахъ и даютъ ясное понятіе, какой строй артели рисуетъ авторъ, во всякомъ случаѣ, не строй чистой народной артели» (28).

Недобросовѣстность сказывается здѣсь, во первыхъ, въ томъ, что рецензентъ игнорируетъ свѣдѣнія, приведенныя мною въ этихъ главахъ объ артеляхъ стариннаго типа, во вторыхъ, въ томъ, что онъ не разбираетъ этихъ главъ, которыя занимая 132 страницы, т. е болѣе $^1/_3$ книги, содержатъ данныя объ управленіи въ артеляхъ, правахъ и обязанностяхъ членовъ, образованіи капитала и другихъ важныхъ вопросахъ. Разборъ этихъ главъ имѣетъ значеніе не только для того, кто захотѣлъ бы отнестись къ оцѣниваемому научному труду съ полной серьезностью—такое желаніе чуждо моему рецензенту—, но и для г. Сазонова; разбери онъ эти главы и докажи изъ нихъ непониманіе мною артели, и онъ придалъ бы своей критикѣ ту убѣдительность, которой, конечно, желалъ, но достигнуть не съумѣлъ.

Замѣчанія о моемъ желаніи обставить артели урядниками, о связи между докторскимъ дипломомъ и нравственными качествами и нѣкоторыя другія относятся къ области печатной брани. Конечно, я не буду отвѣчать на нее. Я не сомнѣваюсь, что, оцѣнивая мою книгу въ частныхъ бесѣдахъ, г Сазоновъ украшалъ мое имя эпитетами, которые не могутъ быть пропущены не только въ уважающемъ себя журналѣ, но и въ органахъ, издаваемыхъ для самыхъ грубыхъ читателей, неизмѣнно съ крѣпкимъ русскимъ словцомъ на языкѣ.





Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣд.
8	1	мало не	мало
26	4	столь-ко	столько то
38	26	*eio*	*ego*